

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1900 г.

№ 31.

Воскресенье 30 июля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.

- Содержаніе:** 1) Реформа продовольственнаго дѣла. — В. Г.
2) По поводу примѣненія одного Высочайшаго повелѣнія Г. С. Н.
3) Международные конгрессы А. П—енно.
4) Хроника.
5) Библиографія: В. П. Шейнъ. Замѣтки къ вопросу о пересмотрѣ суд. уставовъ. Пр.-доц. А. Каминка.
6) Судебно-администр. практика.
7) Отвѣты редакціи (на обложкѣ).
8) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи присылаемы въ редакцію для печатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Напечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку. Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разерочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Реформа продовольственнаго дѣла.

(окончаніе) *).

III.

Сущность продовольственной реформы, осуществленной правилами 12 июня 1900 г., заключается въ слѣдующемъ.

1. Учрежденія, вѣдающія продовольственное дѣло. Продовольственное дѣло изымается изъ вѣдѣнія земскихъ учреждений. Общее попеченіе по обеспеченію продовольственныхъ и сѣмянныхъ потребностей сельскихъ обывателей принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ по земскому отдѣлу. Слѣдующія учрежденія вѣдаютъ дѣло продовольствія сельскихъ обывателей на мѣстахъ:

1) Генераль-губернаторы и губернаторы, по принадлежности.

2) Губернскія присутствія. По дѣламъ о продовольствіи сельскихъ обывателей, въ составъ ихъ, кромѣ лицъ, образующихъ административное присутствіе (губернатора, губ. предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружнаго суда, двухъ непремѣнныхъ членовъ, управляющихъ казенной палатой и госуд. имуществами, предѣдателя губ. земской управы) входятъ также всѣ члены губ. земской управы. Участіе

членовъ управы въ составѣ губ. присутствія не предполагалось проектомъ продовольственной реформы, выработаннымъ въ м-вѣ вн. дѣлъ; но Государственный совѣтъ, исходя изъ того соображенія, что участіе въ присутствіяхъ при разсмотрѣніи продовольственныхъ дѣлъ лицъ, имѣющихъ хозяйственный опытъ и знаніе мѣстныхъ особенностей, можетъ принести существенную пользу дѣлу, дополнилъ соответственнымъ образомъ первоначальный проектъ. Кромѣ того, въ составѣ присутствій учреждается еще одна новая должность непремѣннаго члена для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ по продовольственной части.

3) Уѣздный сѣздъ. Кромѣ уѣзднаго предводителя дворянства, предѣдательствующаго въ сѣздѣ, всѣхъ земскихъ начальниковъ уѣзда, исправника и предѣдателя уѣздной земской управы, въ составъ сѣздовъ при обсужденіи продовольственнаго дѣла Государственнымъ совѣтомъ введены, равнымъ образомъ, всѣ члены уѣздной земской управы.

4) Земскіе начальники.

5) Волостныя и сельскія начальства, а также попечители продовольственныхъ участковъ. Каждая волость составляетъ продовольственный участокъ, въ коемъ завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ въ качествѣ попечителя участка возлагается на волостнаго старшину, если учрежденіе, завѣдывающее продовольственнымъ дѣломъ въ уѣздѣ (ст. 8), не будетъ имѣть возможности назначить особею для сего лицо изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, приходскихъ священниковъ или изъ среды мѣстныхъ крестьянъ и другихъ лицъ, проживающихъ въ данной мѣстности и заслуживающихъ довѣрія.

*) Въ предыдущемъ № въ статью: „Реформа прод. дѣла“ вкралась опечатка: на стр. 1554 (2 строка сверху) между словами „и“ и „безвозмездна“ пропущены слова „для гласныхъ“.

Проектом министерства внутренних дѣлъ учрежденіе особыхъ попечителей предполагалось только при большихъ неурожаяхъ, когда въ продовольственной помощи нуждается значительная часть населенія; но государственный совѣтъ, принимая во вниманіе обремененность волостныхъ старшинъ многочисленными служебными занятіями, счелъ нужнымъ указать въ законѣ, что попечительство въ продовольственномъ участкѣ возлагается на волостнаго старшину, только если учрежденіе, завѣдывающее продовольственнымъ дѣломъ въ уѣздѣ, не будетъ имѣть возможности назначить для сего особыхъ попечителей изъ лицъ перечисленныхъ въ законѣ. Любопытно отмѣтить, что въ числѣ этихъ лицъ законъ вовсе не упоминаетъ сельскихъ и народныхъ учителей, принимавшихъ, какъ извѣстно, въ голодные годы весьма активное и плодотворное участіе въ борьбѣ съ продовольственной нуждой.

Таковы учрежденія, имѣющія замѣнить земство въ завѣдываніи продовольственнымъ дѣломъ. Всѣ эти учрежденія, начиная съ низшихъ, іерархически подчинены другъ другу.

Всѣ постановленія уѣздныхъ сѣздовъ по продовольственнымъ дѣламъ немедленно представляются, въ копіяхъ, губернатору, который, въ случаѣ необходимости, передаетъ ихъ на обсужденіе губернскаго присутствія для измѣненія или отмѣны оныхъ.

Жалобы на постановленія уѣзднаго сѣзда, нарушающія права отдѣльныхъ лицъ и обществъ, приносятся сему сѣзду въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня приведенія постановленія въ дѣйствіе по отношенію къ жалобнику и съ заключеніемъ упомянутаго сѣзда представляются, чрезъ губернатора, на разрѣшеніе губернскаго присутствія.

Всякое постановленіе по продовольственной части губ. присутствія можетъ быть приостановлено губернаторомъ и затѣмъ представлено имъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Осуществленная правилами 12 іюня реформа должна была, разумѣется, повлечь за собою увеличеніе штатовъ и, слѣдовательно, расходовъ на содержаніе административныхъ учрежденій. Сумма, необходимая на увеличеніе штатовъ и канцелярскихъ расходовъ въ земскомъ отдѣлѣ, въ размѣрѣ 22,400 руб. въ годъ, возмѣщается казнѣ изъ имперскаго продовольственнаго капитала; сумма, необходимая на усиленіе штатовъ и канцелярскихъ расходовъ губерnskихъ присутствій и уѣздныхъ сѣздовъ, въ размѣрѣ 277,200 руб. въ годъ, возмѣщается изъ подлежащихъ губерnskихъ продовольственныхъ капиталовъ.

II Средства продовольственной помощи. Опредѣляя средства продовольственной помощи, правила 12 іюня остаются вѣрными началамъ устава 1834 года. Такими средствами являются во 1-хъ, общественные хлѣбные запасы или общественные продовольственные капиталы и во 2-хъ, губернской и общеимперскій продовольственные капиталы. Особо стоятъ впервые учреждаемые правилами частные продовольственные капиталы. Они образуются изъ денежныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ лицъ *непривилегированныхъ* сословій, проживающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и занимающихся хлѣбопашествомъ, но не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ, какъ-то: съ

неприсланныхъ къ обществу крестьянъ, съ мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ.

Избраніе способа обезпеченія продовольственныхъ потребностей посредствомъ либо засыпки зерна въ магазины, либо уплаты денежнаго сбора совершается приговоромъ сельскаго общества; переходъ отъ одного способа къ другому разрѣшается, по общему правилу, губерnskими присутствіями. Министру вн. дѣлъ предоставляется право объявлять въ мѣстностяхъ, къ коимъ доставка хлѣба затруднительна, засыпку зерна въ общественные магазины обязательной.

Общій размѣръ хлѣбныхъ запасовъ, подлежащихъ храненію въ общественныхъ магазинахъ по губерніямъ, опредѣляется министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ. Первоначальный проектъ министра внутреннихъ дѣлъ, устанавливая образованіе хлѣбныхъ запасовъ по числу наличныхъ (а не ревизскихъ) душъ), опредѣлилъ предѣльную норму хлѣбнаго сбора съ души въ 6 пудовъ; но Государственный Совѣтъ, принявъ во вниманіе *громдную тягость* для народа продовольственной повинности, а также *разоренность* центральныхъ губерній, понизилъ указанную норму съ 6 пудовъ до четырехъ. При такомъ расчетѣ общая сумма полного запаса хлѣба останется приблизительно такою-же, какою была до сихъ поръ и, слѣдовательно, составитъ около 240 милл. пудовъ. Сборъ, на образованіе хлѣбныхъ запасовъ, взимается ежегодно, въ теченіе 12 лѣтъ, въ количествѣ, опредѣляемомъ по расчету не болѣе полу пуда хлѣба съ каждой наличной души. Увеличеніе этого сбора, однако не болѣе какъ вдвое, предоставляется министру вн. дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ.

Надзоръ за исправнымъ содержаніемъ запасныхъ магазиновъ, а также за сохраненіемъ ссыпаннаго въ нихъ зерна и правильнымъ его употребленіемъ возлагается на сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ или особыхъ попечителей, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ земскихъ начальниковъ. Общественные и частные капиталы находятся въ вѣдѣніи уѣздныхъ сѣздовъ, которые ведутъ первымъ изъ сихъ капиталовъ отдѣльный счетъ по каждому обществу. Позаимствованіе изъ общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ, а равно хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, принадлежащихъ мѣстности, не пострадавшей отъ неурожая, для нуждъ пострадавшей отъ него мѣстности, совершается путемъ испрошенія министромъ вн. дѣлъ Высочайшаго соизволенія чрезъ комитетъ министровъ.

Губернскіе продовольственные капиталы, а равно общій по имперіи продовольственный капиталъ образуются изъ наличныхъ суммъ оныхъ, изъ платежей, поступающихъ на пополненіе ссудъ, выданныхъ изъ этихъ капиталовъ, а также изъ суммъ, ассигнуемыхъ изъ средствъ казны на пополненіе убыли въ нихъ. Губернскіе капиталы находятся въ вѣдѣніи губерnskихъ присутствій; общеимперскій—въ вѣдѣніи земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ.

III. Ссуда на посылъ и продовольствіе. Всѣ лица, обязанныя участвовать въ сборѣ на составленіе мѣстныхъ продовольственныхъ запасовъ и капиталовъ

(общественныхъ и частныхъ), имѣютъ право на продовольственную помощь.

Ст. 65 уст. прод. разрѣшала выдачу продовольственныхъ ссудъ „единственно нуждающимся и при томъ въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости“. Временныя правила 12 июня вводятъ новыя требованія, значительно сѣвняющія выдачу ссудъ. Такъ, для выдачи ссудъ всѣхъ родовъ требуется наличность слѣдующихъ условій: а) происшедшій вслѣдствіе неурожая или другихъ неблагоприятныхъ для сельскаго хозяйства явленій недостатокъ въ средствахъ пропитанія и сѣменахъ для посѣва; б) отсутствіе такого имущества, продажа котораго, безъ существеннаго разстройства хозяйства, могла бы доставить средства къ пропитанію и посѣву, и в) неимѣніе заработковъ или отсутствіе въ семьѣ лицъ, способныхъ къ работѣ.

Размѣръ продовольственныхъ ссудъ не долженъ въ среднемъ превышать по расчету всей совокупности лицъ, которымъ выдаются ссуды, одного пуда зерна въ мѣсяцъ на взрослого и полупуда на дѣтей, не достигшихъ пятилѣтняго возраста. Ссуды изъ общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ капиталовъ исключительно хлѣбомъ выдаются уѣздными сѣздами по приговорамъ обществъ, провѣряемымъ волостными старшинами и земскимъ начальникомъ; при отсутствіи приговора, ссуда можетъ быть выдана по представленію земскаго начальника, обязаннаго провѣрить на мѣстѣ дѣйствительное положеніе лицъ, ходатайствующихъ о ней; равнымъ образомъ, по представленіямъ земскихъ начальниковъ выдаются ссуды изъ частнаго продовольственнаго капитала лицамъ, не входящимъ въ составъ сельскихъ обществъ.

Въ исключительныхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, земскому начальнику предоставляется разрѣшать собственной властью выдачу продовольственныхъ пособій изъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ въ размѣрѣ, необходимомъ для пропитанія нуждающихся въ теченіе одного мѣсяца (ст. 62), а равно пособій, необходимыхъ для обсемененія полей, съ доведеніемъ о сдѣланномъ имъ распоряженіи до свѣдѣнія уѣзднаго сѣзда.

Въ случаѣ необходимости выдать въ ссуду больше половины установленной нормы общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ или продовольственныхъ капиталовъ постановленіе объ этомъ уѣзднаго сѣзда подлежитъ утвержденію губ. присутствія. Ссуда изъ губ. продовольственнаго капитала выдается, при недостаткѣ хлѣбныхъ запасовъ и общественныхъ и частныхъ продовольственныхъ капиталовъ, губернскимъ присутствіемъ по представленіямъ уѣздныхъ сѣздовъ. Ссуды изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала выдаются министерствомъ вн. дѣлъ по представленіямъ губ. присутствій.

IV. Взысканіе продовольственныхъ ссудъ. Продовольственныя и сѣменныя ссуды, выданныя изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ и общественныхъ или частныхъ капиталовъ, а также изъ губернскаго капитала, возвращаются въ сроки не болѣе трехъ лѣтъ по опредѣленію губернскаго присутствія, причемъ ссуды изъ запасныхъ магазиновъ возвращаются зерномъ, а изъ продовольственныхъ капиталовъ — деньгами.

При крайней задолженности сельскихъ обывателей губернскаго присутствія, по представленію уѣзднаго сѣзда, разрѣшаетъ разсрочку въ платежахъ на срокъ не болѣе шести лѣтъ.

Институтъ круговой поруки отмѣняется.

Взысканіе продовольственныхъ ссудъ производится съ каждаго заемщика отдѣльно. Въ случаѣ, если уплата не послѣдуетъ добровольно къ сроку, установленному уѣзднымъ сѣздомъ, то земскому начальнику предоставляется, при посредствѣ сельскихъ и волостныхъ властей, сдѣлать распоряженіе о принудительномъ взысканіи означенныхъ ссудъ и недоимокъ.

Срочные платежи и недоимки по продовольственнымъ ссудамъ взыскиваются преимущественно передъ казенными и земскими сборами, причемъ продажа хлѣба частнымъ лицамъ не останавливаетъ обращенія взысканія по упомянутымъ ссудамъ.

V. О безвозвратныхъ продовольственныхъ пособіяхъ. Кромѣ ссудъ, временныя правила 12 июня предусматриваютъ и выдачу безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій. Такія пособія выдаются изъ губернскаго или общеперскаго продовольственныхъ капиталовъ: а) лицамъ, призваемымъ сельскими обществами и б) лицамъ, кои, хотя и не принадлежатъ къ составу сельскихъ обществъ, но проживаютъ въ селеніи и занимаются земледѣльческимъ трудомъ, если лица эти, не владѣя землею или инымъ имуществомъ, не имѣютъ, вслѣдствіе отсутствія заработковъ, средствъ къ пропитанію.

IV.

Приступая къ обсужденію продовольственной реформы, необходимо, прежде всего, замѣтить, что несмотря на продолжительность подготовительныхъ къ ней работъ, „реформой“, въ истинномъ смыслѣ этого слова, правила 12 июня названы быть не могутъ. По существу, эти правила — не что иное, какъ второе, исправленное и дополненное, изданіе устава 1834 года.

При обсужденіи проекта правилъ соединеннымъ присутствіемъ департаментовъ Государственнаго совѣта высказана была мысль о полномъ несоотвѣтствіи устава 34 г. съ измѣнившимися условіями крестьянской жизни, о необходимости коренной реформы продовольственнаго дѣла. Тѣмъ не менѣе соединенные департаменты признали возможнымъ, одобливъ проектъ, ограничиться лишь опредѣлительнымъ указаніемъ, что новыя правила имѣютъ *временный*, впредь до пересмотра всего продовольственнаго дѣла, характеръ.

Такимъ образомъ, число „временныхъ правилъ“ увеличилось еще одними.

Бываютъ исключительныя времена, требующія исключительныхъ законовъ; таковы эпохи внутренней или международной смуты, общенародныхъ бѣдствій или опасностей; переходныя эпохи отъ одного социальнаго или государственнаго порядка къ другому. Въ такія времена умѣстны особые, временныя законы, соотвѣтствующіе категорическимъ требованіямъ минуты. Но, казалось-бы, что особеннаго, исключительнаго въ переживаемой нами эпохѣ? Почему наше время, „не призвано законодательствовать“?

Авторы проектов всевозможных временных правил вряд-ли согласились-бы признать переживаемую нами эпоху „временной“, ненормальной, переходной; а между тѣмъ мы живемъ какъ-то на бивуакахъ, не за крѣпкой стѣной и надежной кровлей закона, а въ наскоро разбитыхъ палаткахъ временныхъ правилъ.

Почему?

Не потому-ли, что наше „практическое“ время такъ боится „идеологій“, боится „принциповъ“, безъ которыхъ невозможна, однако, сколько-нибудь прочная, сколько-нибудь обширная законодательная реформа? Понимая „практическую пользу“, какъ удовлетвореніе случайныхъ и проходящихъ интересовъ минуты, мы пренебрегаемъ постоянными интересами, коренными запросами народной жизни.

Въ настоящее время ироническое отношеніе къ идеалистамъ шестидесятихъ годовъ считается лучшимъ признакомъ политической мудрости; а между тѣмъ кипучая реформаторская дѣятельность этого времени множествомъ органическихъ законовъ съ головы до ногъ преобразила Россію, а законодательная дѣятельность послѣдующей эпохи выразилась, главнымъ образомъ... въ изданіи „временныхъ правилъ“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что реформой продовольственнаго дѣла въ существующую организацію его вносятся нѣкоторыя, болѣе или менѣе значительныя поправки. Такъ, нельзя не привѣтствовать отмѣны круговой поруки, при существованіи которой сколько-нибудь правильное распредѣленіе продовольственныхъ ссудъ представлялось фактически невозможнымъ. Равнымъ образомъ, новыя правила обезпечиваютъ посредствомъ созданія частныхъ продовольственныхъ казначействъ продовольственную помощь нуждающимся лицамъ, не входящимъ въ составъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ. Любопытно, впрочемъ, отмѣтить, что опредѣляютъ они кругъ лицъ пользующихся продовольственной помощью, не всесловнымъ, а все таки сословнымъ началомъ, различая податныхъ, непривилегированныхъ сословія отъ неподатныхъ, привилегированныхъ; только первыя пользуются правомъ на продовольственную помощь.

Однако, сущность разсматриваемой реформы заключается не въ этихъ частичныхъ поправкахъ къ дѣйствующему уставу; изъ за нихъ не стоило-бы огорчать городить. Не подлежитъ сомнѣнію, что центръ тяжести „временныхъ правилъ“ 12 іюня заключается именно въ изыятіи продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства и передачѣ его въ вѣдѣніе администраціи. Въ этомъ, можно сказать, вся реформа. Правда, въ мотивахъ Государственнаго совѣта къ проекту, между прочимъ, указывается, что новыя правила вовсе не имѣютъ цѣлью совершенно устранить земскія учрежденія отъ предоставленнаго ему дѣйствующимъ закономъ попеченія о народномъ продовольствіи. Наоборотъ, для земства остается еще широкое поле дѣятельности. Такое важное мѣропріятіе, какъ продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ, обезпеченіе прокормомъ лошадей, а также другого скота, остаются все цѣло и впродъ на обязанности земства.

Позволительно, однако, думать, что съ изыятіемъ продовольственныхъ средствъ изъ вѣдѣнія земства, роль земства въ продовольственномъ дѣлѣ, по необходимости, сведется къ нулю. Въ частности, мысль о

„размежеваніи скота отъ человѣка въ голодающей деревнѣ“ съ тѣмъ, чтобы попеченіе о первомъ предоставить земству, а попеченіе о второмъ—государству, представляется слишкомъ теоретичной. Какъ справедливо замѣчаетъ „Хозяинъ“ (№ 19 стр. 618), нѣтъ никакой возможности провести границу между недоѣданьемъ скота и недоѣданьемъ человѣка, которому этотъ скотъ принадлежитъ. Обезпеченіе прокормомъ скота представляеть отнюдь не меньшій трудности, чѣмъ обезпеченіе населенія продовольствіемъ; и если земства, имѣя въ своемъ распоряженіи продовольственныя средства, не сумѣли справиться со второй задачей, можно-ли думать, что, лишенные всякихъ средствъ, они справятся съ первой!

Что изыятіе продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства является для него своего рода *capitis deminutio*, объ этомъ кажется двухъ мнѣній нѣтъ и не можетъ быть.

Продовольственное дѣло входитъ въ понятіе „мѣстныхъ польвъ и нуждъ губерній и уѣздовъ“, вѣдасмыхъ земскими учрежденіями; оно составляетъ, наряду съ попеченіемъ о народномъ просвѣщеніи, объ охраненіи народнаго здоровья, о предупредженіи и пресѣченіи падежей скота, объ обезпеченіи мѣстности въ санитарномъ отношеніи и т. д. и т. д., часть „естественной“ компетенціи земства. Изыятіемъ этого дѣла изъ вѣдѣнія земства въ крѣпости самоуправленія пробита брешь, чрезъ которую легко могутъ проникнуть его враги. Въ самомъ дѣлѣ, если земство, какъ такое, оказалось несостоятельнымъ въ продовольственномъ вопросѣ, почему-бы ему быть состоятельнымъ въ другихъ вопросахъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, — напр., въ вопросѣ народнаго просвѣщенія? Отсутствие исполнительныхъ органовъ и исполнительной власти даетъ себя чувствовать всегда и вездѣ, во всѣхъ сферахъ дѣятельности земства. По отношенію къ продовольственному дѣлу земству ставилась въ упрекъ крайняя щедрость и даже расточительность въ оказаніи продовольственной помощи; такой же упрекъ—пожалуй еще съ большимъ правомъ—можетъ быть сдѣланъ—и, дѣйствительно, дѣлается земству по отношенію къ народному образованію. И теперь уже говорятъ, что земства пожертвовали интересами народнаго продовольствія интересамъ народнаго образованія. Съ переходомъ продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе администраціи эти толки не улягутся, а наоборотъ—станутъ настойчивѣй и грознѣй. Если ожиданія, вызываемыя реформой, не оправдаются, если, напримѣръ, платежи по ссудамъ не станутъ поступать съ желательной быстротой,—развѣ не скажутъ, что земство истощаетъ народъ непомерными налогами, что оно *мѣшаетъ* администраціи вести продовольственное дѣло, что одной фиксаціи земскихъ бюджетовъ мало, а необходимы болѣе рѣшительныя, болѣе энергичныя мѣры?

Равнымъ образомъ, и несогласованность и даже противорѣчивость земскихъ мѣропріятій не составляетъ особенности продовольственнаго дѣла. Обще-земской организаціи вообще не существуетъ, единство и согласованность земскихъ мѣропріятій не осуществимы ни въ одной области земскаго хозяйства. Всякія попытки къ объединенію земской дѣятельности впродѣ изданія одного земскаго органа или созыва съѣздовъ

земских дѣятелей, признаются нежелательными самимъ правительствомъ. Однимъ словомъ, изытіемъ продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства открыть и расчищенъ путь къ дальнѣйшему сокращенію его компетенціи. Слѣдуетъ опасаться, что реформа продовольственнаго дѣла—только пробный шаръ.

Какъ бы вообще ни отнестись къ разсматриваемой реформѣ,—во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что она оторвала земство отъ земли, отъ деревни; что она сократила „хозяйственныя“ функціи земства, составляющія *essentiale* его компетенціи; что она является частичной реставраціей того дореформеннаго порядка, когда „хозяйномъ“ губерніи былъ губернаторъ, во главѣ подчиненной, всегда готовой къ исполненію администраціи. Съ другой стороны, позволено сомнѣваться и въ томъ, улучшить ли разсматриваемая реформа самую постановку продовольственнаго дѣла. Для критической оцѣнки этой реформы нѣтъ надобности обращаться къ исторіи; ибо на всякій историческій аргументъ намъ могутъ отвѣтить: „современная администрація шагнула отъ дореформенной далеко впередъ; въ 40-хъ и 50-хъ годахъ Россія не знала земскихъ начальниковъ.“

Пусть такъ; посмотримъ, однако, какъ относилась и относится *современная* администрація къ продовольственному вопросу.

Опытъ голодныхъ лѣтъ неопровержимо доказываетъ, прежде всего, что центральная администрація въ высшей степени склонна относиться скептически къ продовольственной нуждѣ населенія. Въ 1891 г. въ то самое время, когда населеніе многихъ губерній терпѣло уже страшную продовольственную нужду, между двумя вѣдомствами велся упорный споръ о томъ, существуетъ ли голодъ, или его нѣтъ. Въ 1897 г. министерство вн. дѣлъ въ теченіе долгаго времени категорично заявляло, что слухи о голодѣ лишены основанія и что въ деревенной Россіи все спокойно, все обстоитъ благополучно.

Далѣе, къ продовольственной помощи центральная администрація всегда относилась болѣе, чѣмъ сдержанно и осторожно.

Въ бюрократическихъ сферахъ господствуетъ мнѣніе, что продовольственная ссуда развращаетъ населеніе, ослабляетъ его энергію и самостоятельность. Кромѣ того, она невыгодна для землевладѣльцевъ, ибо ведетъ къ вздорожанію рабочихъ рукъ. Отсюда знаменитый циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ на имя Саратовскаго губернатора отъ 19 іюля 1891 г., въ которомъ мы, между прочимъ, читаемъ: „Для ближайшихъ мѣстныхъ соображеній при отпускахъ ссудъ населенію, полагаю не излишнимъ сообщить, что продовольственныя ссуды отпускаются преимущественно населенію нерабочаго возраста, дабы способныя къ работѣ лица не отклонялись отъ нея, рассчитывая на даровой хлѣбъ... и что размѣръ выдаваемого населенію продовольствія, для устраненія весьма вреднаго въ данномъ случаѣ излишества, ограничивается земствами 30-ю фунтами ржаной муки на каждую душу въ мѣсяцъ.“

Въ циркулярѣ тогоже министерства отъ 10 іюня 1897 г. прямо указано, что продовольственная по-

мощь должна заключаться „лишь въ нѣкоторомъ облегченіи нуждъ недостаточнаго населенія въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ“.

Насколько экономны нормы продовольственной помощи, установленныя вышеприведеннымъ циркуляромъ 1891 г., видно уже изъ того, что временныя правила 12 іюня оказались вынужденными отступитъ отъ нихъ въ сторону бѣльшаго либерализма: какъ указано выше, ссуды выдаются въ размѣрѣ *одного* пуда въ мѣсяцъ на взрослого (хотя бы и работоспособнаго) и полупуда на дѣтей. Тѣмъ не менѣе основная тенденція центральной администраціи къ сокращенію продовольственной помощи сказывается и въ правилахъ 12 іюня, устанавливающихъ новыми весьма многозначительными условіями выдачу ссудъ нуждающимся.

Какъ указано выше, для выдачи продовольственныхъ ссудъ, кромѣ недостатка въ средствахъ пропитанія и сѣменахъ для посѣва, ст. 61 правилъ требуетъ наличности слѣдующихъ условій: 1) отсутствіе такого имущества, продажа котораго безъ *существеннаго* разстройства хозяйства, могла бы доставить средства къ пропитанію и посѣву и 2) *неличкіе заработковъ* или отсутствіе въ семьѣ лицъ, способныхъ къ работѣ. Крайняя растяжимость приведенныхъ условій, въ особенности второго, бросается въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понимать „отсутствіе заработковъ“? Если помѣщикъ въ голодный годъ предложитъ крестьянамъ за трудъ фантастически—ничтожную плату, значить-ли это, что крестьяне обязаны, подъ угрозой лишенія продовольственной ссуды, согласиться на явно—невозможныя условія? Достаточно вспомнить, что новыя правила будутъ примѣняться на мѣстахъ земскими начальниками, чтобъ понять, въ какомъ *духѣ* они будутъ примѣняться.

„Вѣстникъ Европы“ (1899 г. кн. 10) цитируетъ по этому поводу мнѣніе о земскихъ начальникахъ кн. Михаила Шаховскаго,—писателя, не навлекающаго на себя подозрѣнія въ либерализмъ! „Земскіе начальники, говоритъ авторъ, за десятилѣтній періодъ ихъ существованія, доказали, что попеченіе о крестьянскомъ населеніи, имъ ввѣренномъ, обратилось въ стремленіе *подтянуть* крестьянина, по мнѣнію авторовъ закона 1889 г., слишкомъ распушеннаго и совѣтъ не дисциплинированнаго... Земскій начальникъ въ глазахъ крестьянина—тотъ же чиновникъ, какъ становой и исправникъ. Онъ такъ же далеко стоитъ отъ дѣйствительной жизни крестьянина, отъ его нуждъ, какъ далеко всегда находилось такъ называемое непосредственное начальство. А въ виду того что должности земскихъ начальниковъ часто замѣщаются лицами, нисколько не связанными съ интересами данной мѣстности, живого, энергичнаго отношенія къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ ожидать отъ нихъ трудно, особенно въ дѣлѣ для нихъ чуждомъ и даже незнакомомъ“.

Если бы реформа продовольственнаго дѣла имѣла своей цѣлью предохраненіе сельскаго населенія отъ развращающаго вліянія продовольственныхъ ссудъ, можно было-бы, не колеблясь, предсказать ей полный и безусловный успѣхъ. Но цѣль реформы—обеспеченіе насе-

ления от продовольственной нужды; на сколько эта дѣль будетъ ею достигнута, покажетъ опытъ—увѣ, неизбѣжный—голодныхъ лѣтъ.

Для оцѣнки разсматриваемой реформы несомнѣнный и вполне понятный интересъ представляетъ сравненіе постановки продовольственнаго дѣла въ земскихъ и не земскихъ губерніяхъ, такъ какъ въ послѣднихъ и теперь оно всецѣло находится въ рукахъ администраціи. Обыкновенно такое сравненіе и дѣлается, но только относительно состоянія хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Отмѣтивъ, что въ неземскихъ губерніяхъ наличіе хлѣбныхъ запасовъ составляетъ 67,5% озимаго и 75,4% яроваго хлѣба, а въ земскихъ всего только 42% озими и 42,2% яроваго, враги земства и друзья продовольственной реформы дѣлаютъ отсюда,—можетъ быть, слишкомъ поспѣшный—выводъ въ пользу административной и противъ земской организаціи продовольственнаго дѣла, необходимо, однако, замѣтить, что, подѣйствующему законодательству, хлѣбные магазины находятся въ вѣдѣніи крестьянскихъ, волостныхъ и сельскихъ, властей: на наличіе запасовъ вліяетъ лишь дѣятельность этихъ властей и наблюдающихъ за ними административныхъ учреждений. Вышеприведенныя цифры доказываютъ такимъ образомъ лишь то, что сельскія власти, по *понуужденію* администраціи, дѣйствуютъ при взисканіи ссудъ энергичнѣе, нежели по *приглашенію* земствъ. Гораздо любопытнѣй и поучительнѣй въ разсматриваемомъ отношеніи сравненіе состоянія губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ въ земскихъ и не земскихъ губерніяхъ, такъ какъ въ первыхъ капиталы эти находятся въ исключительномъ вѣдѣніи земства, во вторыхъ—въ исключительномъ вѣдѣніи продовольственной администраціи. Такое сравненіе за періодъ времени въ 25 лѣтъ мы и находимъ въ интереснѣйшей статьѣ Голубева: „Продовольственное дѣло“ („Народное хозяйство“ 1900 кн. 4 ст. 1—24), составленной на основаніи официальныхъ данныхъ. 1) Г. Голубевъ останавливается, прежде всего, на ссудной операціи. Оказывается, что изъ 10 неземскихъ губерній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, четыре губерніи (Кіевская, Ковенская, Минская и Подольская) за всю четверть вѣка не выдали изъ губ. капитала ни копейки въ ссуду; въ остальныхъ 6 губерніяхъ за все время выдано 930 тыс. руб., изъ коихъ на одну Архангельскую губ. падаетъ 625 тыс. р. Такая выдача къ средней суммѣ капитала по 10 губерніямъ (3,827 тыс. р.) едва составитъ 20%! Иначе сказать, за четверть вѣка капиталъ не сдѣлалъ даже и одного оборота.

Что же сдѣлали за это время земства съ полученнымъ капиталомъ въ 8^{1/2} миллионъ рублей. Въ 24 года они успѣли его оборотить почти 4 раза, выдали ссудъ болѣе 33 миллионъ рублей, или въ среднемъ на губернію болѣе чѣмъ по 1 мил. рублей за весь періодъ и болѣе 42 тыс. рублей ежегодно; такимъ образомъ, каждая земская губернія, въ среднемъ, помогла ссудами нуждающемуся населенію въ большемъ размѣ-

рѣ, чѣмъ всѣ 10 неземскихъ губерній вмѣстѣ взятыхъ. Такая огромная разница въ дѣятельности земскихъ и административныхъ учреждений по выдачѣ продовольственныхъ ссудъ не можетъ быть объяснена различіемъ урожаявъ. По неземскимъ губерніямъ эти послѣдніе въ среднемъ были тѣже, иногда немного выше, иногда ниже, чѣмъ въ земскихъ сосѣднихъ съ ними или близкихъ къ нимъ губерніяхъ. Несомнѣнно, говоритъ г. Голубевъ, что причина разницы здѣсь чисто субъективнаго характера и лежитъ въ разницѣ взглядовъ завѣдующихъ учрежденіями: одни на всякаго рода помощь, хотя бы только и выдачу временныхъ ссудъ смотрятъ, какъ на поощреніе, развращающую мужика, другіе—въ чюказаніи своевременной помощи видятъ нравственное преступленіе съ своей стороны.

Наличность губ. продовольственныхъ капиталовъ, казалось бы, должна находиться въ прямой зависимости отъ степени развитія ссудныхъ операцій. Чѣмъ меньше дается ссудъ, тѣмъ больше долженъ быть капиталъ; ибо продовольственные ссуды, какъ извѣстно безпроцентны; капиталъ же, находящійся въ процентныхъ бумагахъ, приноситъ доходъ. Поэтому слѣдовало бы ожидать, что въ неземскихъ губерніяхъ продовольственный капиталъ значительно больше возростъ, чѣмъ въ земскихъ. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Въ 10 неземскихъ губерніяхъ первоначальный капиталъ за двадцать пять лѣтъ съ 2,650,800 рублей возростъ до 5,008,700 р. или не увеличился даже вдвое: конечный капиталъ составляетъ 189% первоначальнаго. Наоборотъ, за это время въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ продовольственный капиталъ утроился, учетверился и даже упятерился (въ Уфимской губ.). Въ общемъ по всѣмъ 33 губ. первоначальные капиталы съ 8.690,500 руб. достигли до 17,757,900 руб. или болѣе чѣмъ удвоились, такъ что конечный капиталъ составляетъ 204% первоначальнаго.

Какъ объяснить это, по истинѣ, невѣроятное обстоятельство? Г. Голубевъ находитъ одно лишь объясненіе: въ продовольственномъ дѣлѣ земства не только „щедрѣй“, но и „хозяйственнѣй“ администраціи.

Таковы факты. Эти факты—лучшая оцѣнка продовольственной реформы. Намъ остается еще дополнить характеристику этой реформы указаніемъ на два обстоятельства, являющихся необходимымъ, хотя, вѣроятно, и непредусмотрѣннымъ ея послѣдствіемъ.

Въ голодные годы мы не разъ наблюдали необыкновенный подъемъ общественнаго духа. Въ борьбѣ съ нуждой, наряду съ правительствомъ и земствомъ—а, можетъ быть, даже и впереди нихъ—принимало участіе все общество. Милліонныя пожертвованія бросались въ пучину народной нужды; люди, проникнутые активнымъ альтруизмомъ, отдавали свое время и трудъ голодающему крестьянству. Всѣмъ извѣстны результаты такой, наиримѣръ, „мобилизаціи частной благотворительности“, кака я имѣла мѣсто въ 1891 г.

Опытъ доказываетъ, что частная благотворительность, въ борьбѣ съ продовольственной нуждой, всегда группировалась вокругъ земства. Наше общество вѣрится земству и любитъ его. Земскіе дѣятели лучше всѣхъ освѣдомлены о характерѣ и степени продовольственной нужды; въ дѣлѣ оказанія помощи нуждающемуся насе-

1) Всѣ цифровыя данныя Голубевъ заимствуетъ изъ „Временника“ центрального статистическаго комитета (№ 39): „Мѣстн. продовольств. капиталы и хлѣбные запасы за 1867—91 гг. въ 44-хъ губерніяхъ Европейской Россіи“.

лению они являются лучшими организаторами и руководителями частной благотворительности.

Изъятие продовольственного дѣла изъ вѣдѣнія земства неминуемо повлечетъ за собою устраненіе общества, т. е. частной свободной благотворительности, отъ участія въ продовольственной помощи населенію.

Недовѣрчивое отношеніе администраціи, и въ особенности земскихъ начальниковъ, къ благотворителямъ, идущимъ добровольно, безъ спеціального уполномочія, въ народъ, успѣло въ достаточной степени обнаружиться въ теченіе послѣднихъ голодныхъ лѣтъ.

Въ глазахъ администраціи частная благотворительность какъ таковая подозрительна; хлѣбъ, предоставляемый „добровольцами“ населенію, кажется ей непременно отравленнымъ какой-нибудь зловерной идеей.

Съ другой стороны, и общество къ „официальной благотворительности“ относится болѣе, чѣмъ сдержанно. Администрація можетъ создать „благотворителей по назначенію“; „благотворителей по призванію“ она создать не можетъ. Холодный формализмъ бюрократической работы убиваетъ всякій энтузіазмъ, всякое живое отношеніе къ дѣлу, желаніе послужить ему ради него самого. Рядомъ съ административной регламентаціей нѣтъ и не можетъ быть мѣста частному почину.

Такимъ образомъ, устраяя отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ земство, временныя правила 12 іюня тѣмъ самымъ устраняютъ отъ борьбы съ продовольственной нуждой всякій, вообще, общественный элементъ. Все продовольственное дѣло правительство беретъ на себя; оно пользуется всѣми правами; оно несетъ всю отвѣтственность.

Другое послѣдствіе реформы касается печати. Если, вообще, гдѣ-нибудь свободное слово необходимо, оно необходимо прежде всего и больше всего въ продовольственномъ дѣлѣ. „Русская Мысль“ приводитъ слѣдующее характерное заявленіе бывшаго нижегородскаго губернатора: „въ дѣлѣ народнаго продовольствія и оказанія народу помощи какъ правительственной, такъ и частной кажется неприличнымъ и *страшнымъ* ходатайствовать о какихъ либо стѣсненіяхъ печати.

До тѣхъ поръ пока продовольственное дѣло находилось въ вѣдѣніи земства, печать пользовалась относительной свободой при обсужденіи продовольственнаго вопроса. Въ докладахъ земскихъ управъ, въ преніяхъ земскихъ собраній заключается богатый матеріалъ для оцѣнки продовольственной системы и критики продовольственныхъ мѣропріятій. Русское общество въ достаточной степени освѣдомлено о состояніи продовольственнаго дѣла въ земскихъ губерніяхъ; нооборотъ, о постановкѣ этого дѣла въ губерніяхъ неземскихъ оно знаетъ мало, почти ничего не знаетъ,—кромѣ развѣ отрывочныхъ и случайныхъ сообщеній, ускользающихъ отъ бдительности провинціальной цензуры.

Съ завершеніемъ разсматриваемой реформы вся Россія по отношенію къ продовольственному дѣлу стала неземской. Дѣло это переходитъ въ вѣдѣніе административныхъ властей, начиная съ губернатора и кончая земскимъ начальникомъ, дѣятельность которыхъ не подлежитъ обсужденію и критикѣ подцензурной печати. Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ мѣстной жизни изымается такимъ образомъ, благодаря реформѣ, изъ тѣснаго круга вопросовъ, допускающихъ обсужденіе въ

мѣстной печати. Надъ продовольственнымъ дѣломъ опустился занавѣсъ,—и то, что впредь за этимъ занавѣсомъ будетъ происходить, останется тайной для русскаго общества.

В. Г.

По поводу примѣненія одного Высочайшаго повелѣнія.

Высоч. утвержд. 12 іюня 1900 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта законоположенія 12 іюля 1889 г. съ дополнительными къ нимъ узаконеніями распространяются съ 1 января 1901 г. еще на три губерніи—Витебскую, Минскую и Могилевскую. Съ отмѣной мирового института въ этихъ губерніяхъ—тамъ получать примѣненіе „правила объ устройствѣ судебной части“ и въ ихъ числѣ примѣчаніе къ ст. 1 прилож. къ ст. 5 (п. 4), которое гласитъ: „въ 1890 г. Высочайше повелѣно: принять лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій въ число частныхъ повѣренныхъ при уѣздныхъ сѣздахъ, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускать не иначе, какъ съ разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, по представленіямъ о семъ предсѣдателей уѣздныхъ сѣздовъ“.

Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ (т. е. въ теченіе вотъ уже 10 лѣтъ) такое разрѣшеніе не было дано еще ни одному лицу нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Вотъ почему вполне естественно, что между частными повѣренными при сѣздахъ означенныхъ губерній господствуетъ основательное и серьезное безпокойство и они забрасываютъ редакцію нашу тревожными запросами, распространяется ли приведенное примѣчаніе на лицъ, состоявшихъ уже повѣренными при сѣздахъ. Къ сожалѣнію, если судить по прецедентамъ, то можно дѣйствительно опасаться, что запрещеніе ходатайствовать у земскихъ начальниковъ и въ городскихъ сѣздахъ будетъ распространено на всѣхъ нехристіанъ, не исключая и тѣхъ, которые уже давно занимаютъ ходженіемъ по дѣламъ, и что такимъ образомъ многочисленная группа евреевъ (законъ, очевидно, имѣлъ въ виду исключительно ихъ), снискивавшая себѣ средства къ жизни тяжелымъ и хлопотливымъ, но за то весьма достойнымъ трудомъ, будетъ выброшена за бортъ и погружена въ столь чреватую опасностями пучину нищеты и бездѣлья.

А между тѣмъ, такой исходъ, не говоря уже о полномъ несоотвѣтствіи его элементарнымъ требованіямъ справедливости, едва ли вызывается смысломъ и цѣлью Высоч. повелѣнія 1890 г. Въ самомъ дѣлѣ—этотъ законъ, какъ видно изъ текста его, вовсе не ставилъ своей задачей преградить всякій доступъ евреямъ къ адвокатурѣ, онъ, очевидно, желалъ лишь сократить сколько возможно наплывъ ихъ, и допускать только лицъ, которыя окажутся достойными того по мнѣнію высшаго правительства. Во всякомъ случаѣ законъ этотъ ничего не говоритъ о сокращеніи наличнаго числа евреевъ повѣренныхъ, и потому безъ достаточно вѣс-

кихъ серьезныхъ основаній едва ли правильно и цѣлесообразно принимать въ этомъ направленіи какія-либо исключительныя мѣры.

Имѣются ли однако такія основанія?—Съ 1889 г. фактически, какъ уже замѣчено выше, евреи не допускаются въ частныя повѣренныя при мировыхъ сѣздахъ. Слѣдовательно—самые молодые изъ повѣренныхъ евреевъ занимаются своей профессіей въ течение болѣе 10 л., но, какъ намъ извѣстно, есть не мало и такихъ, которые состоятъ повѣренными съ самаго момента открытія въ Могилевской, Минской и Витебской губерніяхъ мировыхъ учреждений, т. е. около 30 л. По самому свойству своей профессіи адвокатъ всегда имѣетъ противниковъ, недоброжелателей, а въ перечисленныхъ губерніяхъ, гдѣ благодаря скученности, разноплеменности и крайней бѣдности населенія, сутяжничество развито весьма широко, недоброжелательство принимаетъ уродливыя размѣры и не прощаетъ ближнему и микроскопической соринки. Если же при этомъ принять во вниманіе, что, помимо дисциплинарной власти сѣздовъ, министру юстиціи предоставлено (406¹⁵ ст. учр. суд. уст.) устранять лицъ, которыя по доходащимъ до него несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій,—то нельзя, конечно, сомнѣваться, что всѣ нынѣ состоящіе при сѣздахъ повѣренныя, избѣгшіе дисциплинарныхъ взысканій и устраненія министерствомъ, стоятъ на высотѣ своего призванія и вполне достойны того довѣрія, которымъ они въ силу своего званія облечены. Если же это такъ, если вчера они признавались достойными своего званія, то почему они могутъ оказаться недостойными сегодня, при отсутствіи какихъ бы то ни было поступковъ съ ихъ стороны; если вчера они отправляли свои обязанности въ мировыхъ учрежденіяхъ, то какой можетъ быть резонъ лишать ихъ этого права по отношенію къ уѣзднымъ сѣздамъ, компетенція коихъ является болѣе ограниченной? Это было бы непослѣдовательно со стороны самаго министерства юстиціи, которое въ прошломъ году признало справедливымъ выдать свидѣтельства на хожденіе по дѣламъ въ суд. палатахъ всѣмъ помощникамъ пр. повѣренныхъ, которые имѣли такія свидѣтельства отъ окр. судовъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что большинство повѣренныхъ въ названныхъ трехъ губерніяхъ—евреи и что поэтому лишеніе послѣднихъ права вести дѣла въ уѣздныхъ сѣздахъ равносильно оставленію населенія безъ правильно организованной юридической помощи, по крайней мѣрѣ на первое время. Такое положеніе несомнѣнно вызоветъ сильное развитіе подпольной адвокатуры; всѣ ея темныя стороны, все ея вредное вліяніе будетъ здѣсь особенно чувствительно, ибо введеніе новыхъ процессуальныхъ правилъ и само по себѣ вызоветъ на первыхъ порахъ много затрудненій, сомнѣній и промаховъ. Очевидно, такимъ образомъ, что помимо безцѣльной и незаслуженной деградации цѣлой группы лицъ, такая мѣра не соответствуетъ и интересамъ населенія и государства, заботящагося объ организаціи правильной юридической помощи.

Вотъ почему мы позволяемъ себѣ выразить надежду, что господствующая теперь, вопреки прямому смыслу закона, тенденція преградить евреямъ всякій доступъ

въ адвокатуру не коснется тѣхъ изъ нихъ, которые уже пользуются званіемъ частныхъ повѣренныхъ.

Г. С. Н.

Международные конгрессы 1900 г.

II. Propriété littéraire et artistique (16—23 Юля и. ст.).

Конгрессъ, устроенный въ этомъ году международной ассоціаціей авторскаго права, является по сечу двадцать вторымъ. Съ 1878 года, когда подъ предѣтельствомъ В. Гюго была впервые основана Association internationale de la propriété littéraire et artistique,—и до нынѣшняго года, ассоціація перебивала почти во всѣхъ большихъ городахъ Европы. Нужно признать, что въ настоящее время конгрессы ассоціаціи утратили въ значительной степени то значеніе, которое они имѣли, напр., въ началѣ 80-хъ годовъ. Дѣло въ томъ, что главная задача ассоціаціи, та задача, для осуществленія которой она была основана, можетъ быть признана достигнутой. Цѣль членовъ-основателей ассоціаціи была—добиться международной защиты авторскаго права. Благодаря ряду очень удачныхъ конгрессовъ, ассоціація удалась добиться заключенія международной конвенціи 1886 года, въ Бернѣ; затѣмъ, нѣкоторые недосмотры и недочеты, проскользнувшіе въ текстъ конвенціи, были исправлены, не безъ содѣйствія ассоціаціи, на конференціи 1896 г. въ Парижѣ—и въ настоящее время международный союзъ для защиты авторскаго права вошелъ въ періодъ спокойнаго развитія. Не имѣя возможности разсчитывать, чтобы конвенція этого союза могла быть вновь пересмотрѣна въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени—ассоціація должна была или сократить свою дѣятельность, или искать какой-нибудь новый предметъ для своихъ занятій. Такой новый предметъ былъ найденъ въ формѣ проекта нормальнаго закона объ авторскомъ правѣ (projet de loi type); ассоціація предполагаетъ, что всѣ государства, при пересмотрѣ своихъ законовъ, будутъ руководиться примѣромъ этого „типическаго закона“,—и что такимъ образомъ будетъ безъ затрудненій достигнуто единообразіе нормъ авторскаго права, дѣйствующихъ въ цивилизованныхъ государствахъ.

Но, даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько—на практикѣ—достижима подобная унификація авторскаго права въ Россіи и въ Португаліи, въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи,—нельзя не замѣтить, что ассоціація сама подрываетъ авторитетъ своего проекта, такъ какъ, установивъ „окончательный“ текстъ закона на одномъ конгрессѣ, она регулярно пересматриваетъ и измѣняетъ этотъ текстъ на слѣдующемъ конгрессѣ. Объясняется такой образъ дѣйствія очень просто: иначе ассоціаціи нечего было бы дѣлать. Но ея наиболѣе авторитетные члены справедливо замѣчаютъ, что за годъ не можетъ происходить эволюціи идей по юридическимъ вопросамъ—и что всѣ измѣненія текста происходятъ подъ вліяніемъ болѣе чѣмъ случайнаго состава даннаго засѣданія.

Въ нынѣшнемъ году предметомъ занятій былъ также вѣчный проектъ. Его читали и комментировали

сперва въ секціи литераторовъ, затѣмъ въ секціяхъ художниковъ, — драматурговъ и музыкантовъ, всякій разъ съ приглашеніемъ очень компетентныхъ лицъ (разные эксперты по художественнымъ дѣламъ, коиъ такъ много въ Парижѣ). Затѣмъ, въ трехъ общихъ собраніяхъ разбирали каждую статью въ отдѣльности, сразу со всѣхъ точекъ зрѣнія.

Кромѣ перечисленныхъ засѣданій, въ понедѣльникъ 16 іюля происходило торжественное открытіе конгресса, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ, Leagues. Онъ произнесъ очень красивую рѣчь, на которую отвѣчалъ предсѣдатель ассоціаціи, адвокатъ E. Pouillet. Послѣдній началъ съ того, что указалъ на препятствія, съ которыми пришлось ассоціаціи бороться во время ея странствованій по Европѣ: „авторы, для которыхъ мы работаемъ, относились къ намъ съ безразличіемъ; контрафакторы дали намъ насмѣшливое названіе коммивояжеровъ авторскаго права. Да! мы всегда были коммивояжерами права и справедливости—и для распространенія этого товара мы неустанно ѣздимъ по Европѣ“. Далѣе онъ указалъ на достигнутые успѣхи. „Стоить только сравнить законодательства различныхъ странъ въ 1878 году съ законами, дѣйствующими теперь, на рубежѣ XX вѣка—для того чтобы увидать, что пожеланія, высказанныя ассоціаціей на конгрессѣ въ Лиссабонѣ (1880 г.), оказались нынѣ далеко позади достигнутыхъ результатовъ“. Такъ, исключительное право перевода, въ 1878 году, признавалось въ полномъ размѣрѣ только во Франціи и въ Испаніи. Въ 1886 году, въ конвенціи союза для защиты авторскаго права, право это было гарантировано во всѣхъ государствахъ, подписавшихъ эту конвенцію, въ теченіе десяти лѣтъ со дня изданія книги. А въ 1896 г., при пересмотрѣ конвенціи, право перевода было расширено и нынѣ оно уравнено съ правомъ воспроизведенія вообще; для того чтобы пользоваться имъ, авторъ долженъ только издать свой переводъ въ теченіе 10 лѣтъ. Не менѣе успѣшно проведена была также и мысль о необходимости возможно полнѣе защищать фотографіи: изъ-году въ годъ ассоціація повторила пожеланіе о томъ, чтобы фотографіи были уравнены, по защитѣ, съ произведениями изобразительныхъ искусствъ вообще. Новѣйшіе проекты и по этому пункту приближаются къ формулѣ, вотированной ассоціаціей, ассимилируя фотографіи съ рисунками и картинками. Третій, не менѣе важный пунктъ, по которому ассоціація добилась успѣха — есть вопросъ о газетныхъ статьяхъ. Прежде, почти во всѣхъ государствахъ, онѣ защищались только подъ условіемъ формальной оговорки автора. Конвенціей 1896 года эта формальность уничтожена для фельетоновъ—и можно надѣяться, что въ скоромъ времени та же участь постигнетъ и необходимость оговорки для другихъ статей.

Послѣ г. Pouillet, было произнесено нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей иностранными гостями—и затѣмъ были произведены выборы бюро. Делегатъ русскаго правительства, пр.-доц. Ал. Пиленко выбранъ вице-президентомъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду слѣдовать порядку отдѣльныхъ статей проекта, предполагая, что онъ можетъ представить нѣкоторый интересъ, въ виду

происходящаго нынѣ пересмотра русскаго законодательства объ авторскомъ правѣ.

Статья первая проекта формулирована слѣдующимъ образомъ ¹⁾: „Авторъ всякаго произведенія мысли (oeuvre de l'intelligence) имѣетъ право опубликовать его и воспроизводить его какимъ бы то ни было способомъ, для какаго бы то ни было назначенія и въ какой бы то ни было формѣ.

Такимъ образомъ, законъ защищаетъ всѣ проявленія мысли (manifestations de la pensée) въ устной или письменной формѣ, произведенія драматическія, музыкальныя и хореографическія и всѣ произведенія искусствъ пластическихъ и графическихъ, каковы бы ни были ихъ достоинство, употребленіе и цѣль.

„Официальные акты публичныхъ властей и судебныя рѣшенія не подлежатъ защитѣ.“

Уже изъ этой первой статьи видно, что авторы проекта стремятся къ возможно болѣе широкой защитѣ всѣхъ видовъ авторскаго права. При обсужденіи первой статьи было указано, что она защищаетъ не только всѣ литературныя и художественныя произведенія, но также архитекторовъ, фотографовъ, балетмейстеровъ (!) декораторовъ и машинистовъ въ театрахъ. Вообще среди членовъ ассоціаціи есть такіе специалисты, которые видятъ спасеніе во всеохраненіи, подымая шумъ и гвалтъ всякій разъ, какъ имъ удается найти что-нибудь еще не защищаемое закономъ. До чего иногда доходятъ такіе голоса, — можетъ явствовать изъ доклада, представленнаго итальянцемъ Pesce. Существуютъ — говоритъ онъ — гениальныя открытія, на которыя не выдаются патенты; напр. открытія прививки оспы, свойствъ хинина, Пастеровскихъ процессовъ“. Необходимо, чтобы всѣ подобныя открытія защищались (какимъ образомъ?, въ какой формѣ?—объ этомъ г. Pesce умалчиваетъ)“ надо, чтобы наша ассоціація простерла руки этимъ гениальнымъ людямъ и чтобы она ратовала за защиту ихъ идей.“ Затѣмъ послѣ многихъ сантиментальныхъ изліяній, г. Pesce прибавляетъ „Но и это еще не все. Ассоціація должна защищать великія идеи не только въ ихъ вѣншемъ проявленіи, но также и въ процессѣ ихъ эволюціи, ихъ рожденія въ умѣ автора.“ Остается только руками разводить, когда читаешь подобные доклады, серьезно обсуждаемые ассоціаціей.

Гораздо болѣе серьезенъ, но всетаки не лишень увеличенной другой докладъ, написанный также въ смыслѣ расширенія защиты г-номъ Joleau, фабрикантомъ бронзовыхъ издѣлій. Онъ требуетъ, чтобы защита, гарантируемая художественнымъ произведеніемъ, была распространена также на все произведенія художественной промышленности. Мотивы такого желанія совершенно ясны: во Франціи, для фабричныхъ рисунковъ требуется *dépot* (т. е. предварительная регистрація), — а художественныя произведенія защищаются въ всѣхъ формальностей. Но многіе члены конгресса возражали г-ну Joleau, что если нѣкоторые произведенія бронзовой и стеклянной промышленности дѣй-

¹⁾ Статьи эти воспроизведены мною согласно первоначальному тексту; на засѣданіяхъ они подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ, которыя въ данный моментъ окончательно еще не редактированы.

ствительно носить артистический характер — то это еще не составляет достаточного основания для того, чтобы защищать без регистрации также и ситцы, модели обуви, рисунки календарей, вставочки и т. д. — Мы думаем, что и по этому вопросу ассоциация понапрасну стала на сторону лица, непосредственно заинтересованного (денежно) в проведении той или другой меры, — что и по этому вопросу ассоциация не сумела возвыситься выше ограниченного кругозора людей, заботящихся только о своем кармане. Мне вспоминается, что на Лондонском конгрессе 1898 года тот же г. Joleau требовал, чтобы судьи были лишены права определять, имеет ли данное промышленное произведение художественный характер, или нет — чтобы судьи *обязаны* были защищать всякое произведение (даже и самое банальное?), если фабрикант его зарегистрировал. „Судьи в этом деле — ничего моль не понимают“.

Статья вторая типического проекта гласит так: „Право исключительного воспроизведения продолжается в пользу наследников автора 80 лет после его смерти“.

В этой статье также нельзя не видеть стремления к чрезмерному преувеличению защиты. При обсуждении этой статьи, наиболее яркими защитниками ее явились, конечно, издатели. Авторы, кроме некоторых тузов, вроде G. Ohnet, подобного увеличения срока особенно не ищут, чувствуя, что в момент продажи манускрипта издатель не прибавит ни копейки за ту лишнюю защиту, которую он будет иметь с 50-го по 80-й год. Авторы чувствуют, что все переплаченные публичкой в силу продления срока защиты деньги пойдут в карман издателей.

Тем яростнее защищают эти последние 80-летний срок. Большинство из издателей требовало даже вечной защиты. При этом произошел следующий инцидент. Один итальянец встает и заявляет, что в настоящее время повсюду замечается стремление возможно продолжить защиту авторского права. Он ссылается на Италию, а также на Соединенные Штаты, в которых недавно один сенатор внес билль о вечной защите авторского права. Итальянцу отвечает пр.-доц. Пиленко, указывая, что в России, наоборот, наблюдается стремление ограничить защиту авторского права 30-ю годами; в этом смысле было бы в свое время составлено ходатайство комитета грамотности. Г-н Пиленко поддерживает делегата Соединенных Штатов, Th Solberg, указывая, что сведения об американском билле не точны: сама конструкция требует, чтобы авторское право защищалось „during limited period“; один сенатор, действительно, внес билль о том, чтобы авторское право защищалось 1000 лет, — но, внося билль, он сам заявил, что он такого увеличения срока не одобряет — и вносить билль только для того, чтобы исполнить просьбу одной своей знакомой писательницы, которой платили недостаточно гонорара.

Несмотря на сделанное затем заявление, что Германия также никогда не примет столь большого удлинения срока защиты — большинство присутствующих французов, как один человек, вотируют за 80-летний срок, как *minimum* защиты.

Благоразумная часть собрания сознает, что провозглашение вечности авторского права повлекло бы неисчислимы затруднения, — но делает, всетаки, уступку издателям, вотируя затем так называемый *domaine public payant*.

Сущность этого института, существующего пока только в Италии, заключается в следующем: печатать и вообще воспроизводить дозволяется всякому (в Италии — 40 лет после издания сочинения) — но автор имеет право на 5% с объявленной цены. В такой форме защита авторского права на вечные времена, конечно, имеет одно важное преимущество: она уничтожает издателей монополистов, позволяя конкуренции проявлять свое благотворное действие почти в полном объеме. Но, с другой стороны, указанная система имеет и важный недостаток, делающий ее весьма несимпатичною. В самом деле, ныне принятая форма защиты дозволяет предполагать, что авторское право, кроме материальных целей, преследует также и цели более возвышенные, более идеальные: автор, пользуясь своим правом, может запретить печатание романа в данном журнале не потому, что ему мало обещали гонорара, а потому что ему не нравится направление журнала; автор может дать предпочтение одному переводчику перед другим не в зависимости от обещанной платы, а в зависимости также и от качества переводчика, как такового. Если эти иллюзии очень редко осуществляются на практике — то самая возможность их скрашивает то, что есть торгашеского в авторском праве. Возвращаясь к системе *domaine public payant*, — можно заметить, что при обычном взимании 5 процентов — никакие идеальные иллюзии уже невозможны. Дело идет очевидно только о том, чтобы набивать карман.

Для того чтобы явнее дать понять, куда клонится подобная система — я позволю себе провести небольшую параллель. Как известно, во Франции взимание гонораров организовано необычайно полным образом: ни одна копейка не ускользнет от зорких глаз и цепких рук бесчисленных агентов, разсылаемых такими могучими обществами, как *Société française des auteurs et compositeurs dramatiques, société des gens de lettres, société des artistes français* и т. д. Знакомая с организацией этих обществ, я, к крайнему моему удивлению, увидал, что например драматурги взимают *одинаковый гонорар* как за пьесы Гюго и Дюде, так и за трагедии Расина и Корнеля, уже два века находящиеся в общественном достоянии. Когда я спросил о причине такого странного явления, мне дали объяснение, меня не удовлетворившее: „иначе директора театров будут всегда давать рядом с современной пьесой еще какую нибудь пьесу общественного достояния; публика будет ходить только для главной пьесы, — а директор будет нам платить проценты не со всего сбора, а только с половины“. На деле оказывается, что общество драматургов просто не желает, чтобы даровые пьесы делали конкуренцию платным — и потому взимает одинаковый гонорар за все, даже за те, которые законом больше уже не защищены. Удивленный читатель спросит непременно, почему директора платят за пьесы, которые они вольны ставить даром. Такова сила чудовища, име-

нуемаго синдикатомъ. Всякому директору ставится отъ общества ультиматумъ: платить за все пьесы безразлично. Если директоръ протестуетъ и не соглашается, общество объявляетъ ему, что оно лишаетъ его права играть современныя пьесы за какую бы то ни было плату. И директора покоряются.

Система *domaine public payant* для книгъ—очевидно, приведетъ къ тому же самому результату. Адвокатъ E. Mack, представившій по этому вопросу цѣлый специальный докладъ, прямо предусматриваетъ въ формулированныхъ имъ заключеніяхъ, что 5%-ный сборъ будетъ взиматься особыми обществами, *независимо отъ того, имѣются ли у автора наследники, или нѣтъ*. Если наследники заявятъ о своемъ существованіи, то они получатъ причитающуюся имъ долю; а если наследниковъ нѣтъ—или если они не потребуютъ гонорара, то весь сборъ идетъ въ пользу общества. Русскому человѣку подобныя предложенія по вкусу быть не могутъ: у насъ пока на литературу и искусство существуютъ болѣе возвышенные взгляды.

Статья третья проекта устанавливаетъ защиту анонимныхъ произведеній; эти послѣднія защищаются 80 лѣтъ со дня ихъ перваго опубликованія, но авторъ во всякій моментъ воленъ уничтожить анонимность произведенія, которое послѣ этого подлежитъ защитѣ на общемъ основаніи. Сочиненія, опубликованныя юридическими лицами, пользуются тою же защитой, что и произведенія анонимныя.

Статья четвертая касается очень спорнаго вопроса о соавторахъ. По общему принципу, соавторы пользуются одинаковыми правами. Но на практикѣ встрѣчались затрудненія (напр. съ одной оперой, написанной A. Thomas въ сотрудничествѣ съ мало извѣстнымъ поэтомъ)—въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ соавторъ желаетъ изъять произведеніе изъ обращенія, а другой на это не соглашается. Одинъ весьма талантливый французскій адвокатъ доказывалъ по этому поводу: 1) что такъ какъ опера была написана двумя соавторами, имѣющими равныя права, то ни одинъ изъ нихъ, въ отдѣльности, не можетъ лишить своего товарища возможности извлекать прибыль изъ своего произведенія, и что слѣдовательно, каждый соавторъ можетъ ставить оперу вопреки желанію другого 2) что опера представляетъ изъ себя недѣлимое цѣлое во всей своей совокупности, вплоть до именъ ея авторовъ и что поэтому *les deux noms tombent dans la communauté*, т. е. каждый изъ соавторовъ имѣетъ право давать оперу, указывая имена *обоихъ* авторовъ (хотя бы вопреки желанію одного изъ нихъ—это признано и рѣшеніемъ сенскаго апелляціоннаго суда) и 3) что желаніе одного изъ соавторовъ ставить оперу можетъ имѣть только одно послѣдствіе: этотъ соавторъ не обязанъ нести могущихъ отъ постановки произойти убытковъ. Проектъ не принялъ такой крайней точки зрѣнія: (вѣрный принципу *личнаго* права автора, (*droit moral*, о которомъ мы скажемъ ниже), проектъ устанавливаетъ, что соавторъ, не желая опубликованія произведенія, не только не несетъ убытковъ, но также можетъ требовать, чтобы его имя не было упоминаемо.

Отмѣтимъ, что по данному вопросу проектъ ассоціаціи отличается отъ русскаго проекта въ томъ отношеніи, что онъ ставитъ *либреттистовъ оперъ* на

одну доску съ соавторами вообще, давая имъ равныя права съ композиторами. Русскій проектъ не пошелъ такъ далеко—и мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи онъ принялъ совершенно правильно во вниманіе существующія жизненныя отношенія: роль либреттиста является обыкновенно весьма второстепенною.

Статья пятая посвящена посмертнымъ произведеніямъ. И по этому вопросу проектъ предлагаетъ весьма крайнія мѣры. „Кто бы ни издалъ посмертное сочиненіе—пользуется защитой въ теченіе 80-ти лѣтъ“. Самъ по себѣ, этотъ принципъ является весьма сложнымъ: человѣкъ, случайно нашедшій рукопись невѣдомаго ему автора—въ сущности, ничего не сотворилъ; а гдѣ нѣтъ творчества, нѣтъ и авторскаго права. Такой счастливчикъ, конечно, можетъ заработать очень большую сумму, продавъ рукопись какому-нибудь журналу: мы не сомнѣваемся, что *Revue des deux Mondes* или *Fornightly Review* заплатили бы крупныя деньги за право первыми опубликовать неизвѣстныя еще письма Наполеона, или новую трагедію Гете. Но давать 80-лѣтнюю монополію человѣку только потому, что онъ былъ счастливѣе въ поискахъ, чѣмъ другіе—не имѣетъ никакого смысла. Подобныя постановленія, опять таки, превращаютъ авторское право въ спекуляцію для издателей. Но если, самъ по себѣ, принципъ является спорнымъ, то его развитіе, сдѣланное во второй части той же пятой статьи, представляется намъ совершенно недопустимымъ. А именно: „признаются посмертными тѣ произведенія, которыя не были *напечатаны* при жизни ихъ авторовъ“. Это добавленіе, само по себѣ, невинное—дозволяетъ во многихъ случаяхъ растянуть защиту на совершенно неопредѣленное количество лѣтъ. Для этого стоитъ только не *печатать* комедій, трагедій, оперы, симфоній. Изъ преній, происшедшихъ въ засѣданіи комиссіи, явствовало, что, по мнѣнію авторовъ проекта, такія ненапечатанныя комедія, трагедія, опера и т. д.—пользовались бы защитой вплоть до истеченія 80-ти лѣтъ со дня ихъ *напечатанія*. Слѣдовательно, авторъ, или издатель, могъ бы публично исполнять ихъ сколько угодно лѣтъ (вѣчно), подъ однимъ условіемъ *не печатать* манускрипта. Изъ тѣхъ же преній выяснились и еще болѣе дикія послѣдствія: статуя могла бы быть выставлена и воспроизводима въ безчисленныхъ копіяхъ (гипсовыхъ, бронзовыхъ и т. д.),—не пореставая быть *не изданнымъ* произведеніемъ, имѣющимъ право на 80-лѣтнюю защиту съ того момента, когда ее сфотографируютъ и фотографію *отпечатаютъ*. Комиссія не согласилась на столь абсурдное расширеніе границъ защиты—и оставила вмѣсто „напечатано“ слова „опубликовано свойственнымъ данному роду искусства способомъ“.

Статьи 6—9 заключаютъ въ себѣ обычныя во всехъ законахъ объ авторскомъ правѣ постановленія: всякое недозволенное авторомъ воспроизведеніе, хотя бы и съ измѣненіями, запрещается; право исключительнаго перевода продолжается столько же лѣтъ, какъ и право воспроизведенія вообще; цитированіе съ указаніемъ источника дозволяется; продажа произведенія искусства не предполагаетъ еще, что авторъ продалъ и право воспроизведенія; уступка этого послѣдняго всегда должна быть оговорена *expressis verbis*.

Статьи 10—12 посвящены такъ называемому *droit moral de l'auteur* (личное право автора). По свойственному французамъ малому знакомству съ иностранными литературами, всѣ члены ассоціаціи глубоко убѣждены, что это право впервые изобрѣлъ нѣкій Jules Lermina „au Congrès de Berne“. Изъ иностранцевъ никто не рѣшился лишить ихъ этой иллюзии, тѣмъ паче что напоминаніе о Блюнчли, Гирке и др. очень мало что объяснило бы французамъ.

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, Лермина ли, или Блюнчли первый указалъ на существованіе въ авторскомъ правѣ, кромѣ экономического элемента, еще и элемента личнаго — нельзя не признать, что та настойчивость, съ которою ассоціація нынѣ проповѣдуетъ эту доктрину — заслуживаетъ всякой похвалы. Въ личномъ правѣ автора, дѣйствительно, нужно видѣть наиболѣе благородную часть всего института, ту часть, которая имѣетъ великое будущее. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ долженъ имѣть право требовать, чтобы то, что даютъ публикѣ подъ его именемъ, было, дѣйствительно, его произведеніемъ безъ всякихъ искаженій. Интересы автора и публики равно были нарушены, когда, напримѣръ, директоръ театра позволилъ себѣ передѣлать развязку одной изъ пьесъ E. Augier — только для того, чтобы польстить прихотямъ моды, проходящаго вкуса толпы. Публика *должна* знать, что текстъ трагедіи, которую ей даютъ, есть не подлинный Шекспиръ, а пошловатая передѣлка, хотя бы, самаго Гаррика.

Въ виду этого, нельзя не пожалѣть, что русскій проектъ не принялъ болѣе энергичныхъ постановленій по вопросу объ охраненіи личнаго права автора. Соответствующія нормы уже введены въ новый японскій законъ и предложены комиссіей, редактировавшей проектъ новаго нѣмецкаго закона.

Въ проектѣ ассоціаціи, соответствующія постановленія выражены слѣдующимъ образомъ: 1) авторъ имѣетъ право требовать признанія его авторства и искать въ судѣ противъ тѣхъ, кто будетъ себѣ такое присваивать (плагіать), 2) авторъ, продавшій свое произведеніе, можетъ требовать, чтобы оно не было выставлено публично, если въ немъ сдѣланы какія нибудь измѣненія, 3) по смерти автора, право требовать признанія авторства можетъ быть осуществляемо его наследниками и 4) по смерти автора никакія измѣненія не могутъ быть дѣлаемы безъ разрѣшенія наследниковъ; даже разрѣшенныя этими послѣдними измѣненія должны быть всегда выдѣлены изъ общаго состава оригинала такими признаками, которые позволяли бы публикѣ легко ихъ отличать.

Кромѣ многочисленныхъ засѣданій, конгрессъ имѣлъ и такъ называемый *gemüthlichen Theil*. Комитетомъ были организованы подробный осмотръ секцій книгопечатанія на выставкѣ, экскурсія въ музей Chantilly и посѣщеніе Севрской мануфактуры, въ связи съ двумя весьма оживленными банкетами. Въ этихъ экскурсіяхъ, можетъ быть, и заключается главный смыслъ литературныхъ конгрессовъ: быстро и непринужденно знакомятся люди, незаметно завязываются интересныя сношенія съ дѣятелями чужихъ странъ...

Ал. П—енко.

Парижъ 18 (31) іюля.

Хроника.

Во вчерашнемъ номерѣ „Пр. Вѣстника“ опубликовано Высоч. утв. 12 іюня 1900 г. мнѣніе Госуд. Совѣта объ установленіи **предѣльности земскаго обложения** въ губерніяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, и объ освобожденіи земствъ отъ нѣкоторыхъ расходовъ.

22 іюля скончался во Франціи, 80 л. отъ роду. **Н. И. Стояновскій**, одинъ изъ видныхъ участниковъ передового отряда благородныхъ дѣятелей, вѣрой и правдой послужившихъ великому дѣлу возрожденія Россіи. Какъ еще недавно указывалось въ „Правѣ“ по поводу послѣдняго юбилея покойнаго, въ спискѣ достославныхъ именъ, служившихъ свѣточами для судебныхъ дѣятелей, вѣрныхъ духу судебныхъ уставовъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ и будетъ всегда занимать Н. И. Стояновскій.

Выясненіе характера дѣятельности и заслугъ покойнаго предъ русскимъ обществомъ мы откладываемъ до слѣдующаго №.

21-го іюля, предано землѣ тѣло Григорія Аветовича **Джаншіева**. Къ 9^{1/2} часамъ утра въ квартирѣ покойнаго собрались многія лица: присяжные повѣренные округа моск. судебной палаты, нѣкоторые члены судебной магистратуры, представители московскаго, петербургскаго и другихъ армянскихъ обществъ, члены редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, сотрудники, служащіе въ конторѣ и въ типографіи газеты; родственники, друзья и почитатели покойнаго. Гробъ съ останками умершаго утонулъ въ массѣ возложенныхъ вѣнковъ. Кромѣ многочисленныхъ вѣнковъ отъ армянскихъ обществъ, здѣсь находились вѣнки отъ мировыхъ судей города Москвы; отъ московскаго окружнаго суда; отъ нахичеванскаго-на Дону городского управленія; отъ редакціи „Права“—„Незабвенному борцу за свѣтлые идеалы 60-хъ годовъ“; четыре вѣнка отъ „Русскихъ Вѣдомостей“; отъ редакціи „Курьера“; отъ редакціи и издателей „Настольнаго энциклопедическаго словаря“—„Поборнику правды“; отъ редакціи „Тифлискаго Листка“—„Стойкому честному публицисту“; отъ редакціи „Мшакъ“—„Честному публицисту и защитнику обездоленныхъ“; отъ „Кавказскаго Вѣстника“—„Хорошему человѣку“; отъ присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты и ихъ помощниковъ; отъ консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ—„Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче“; отъ тифлисскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ—„Неутомиму борцу за правду и гуманность“; отъ К. Т. Солдатенкова и др.

На могилѣ были произнесены надгробныя рѣчи проф. Д. М. Анучинимъ, пр. пов. С. А. Муромцевымъ, П. А. Столповскимъ, Г. М. Кобылинымъ, Д. Н. Доброхотовымъ, редакторомъ „Курьера“ Я. А. Фейгинымъ и др. лицами.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что арендаторъ, неправильно уплатившій земскій сборъ за собственника, не вправе требовать отъ земства **возвращенія ему не-**

подлежаще взысканных сборовъ, а имѣть лишь право иска къ собственнику въ размѣрѣ дѣйствительно уплаченныхъ имъ за него сборовъ (№ 7391).

Утвержденіе или неутвержденіе лицъ, избранныхъ въ городскія общественныя должности, зависитъ, по собраніи вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о нравственной и политической благонадежности упомянутыхъ лицъ, отъ мѣстнаго губернскаго начальства (№ 7393).

Хотя согласно опредѣленію Пр. Сената, опубликованному въ собр. уз. и расп. Прав. № 52 ст. 432 за 1893 г., жалобы частныхъ лицъ на незаконность обращенныхъ къ исполненію постановлений земскихъ собраній и подлежать подачѣ Пр. Сенату черезъ губернаторовъ, но таковыя жалобы должны быть адресованы на имя Пр. Сената, а не губ. начальниковъ (№ 7394).

Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что содержащаяся въ обязательномъ постановленіи городской думы безусловныя правила объ устройствѣ трактирныхъ заведеній, т. е. такія лишь, при наличности которыхъ заведеніе можетъ быть признано соответствующимъ своему назначенію (устройство помойныхъ ямъ, выгребовъ и пр.), должны быть признаны подлежащими выполненію со стороны всѣхъ содержателей трактирныхъ заведеній, независимо отъ времени, когда послѣднія были ими открыты, такъ какъ примѣненіе этого обязательнаго постановленія лишь къ трактирамъ, открываемымъ послѣ 1 января 1894 г., шло бы въ разрѣзъ съ цѣлями закона о трактирномъ промыслѣ въ смыслѣ водворенія въ немъ порядка, благочинія и благоустройства (Ниж. Лист).

Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что тѣ уѣздныя земства, которыя не получили никакихъ капиталовъ по упраздненіи приказа общественного призрѣнія, должны быть освобождены отъ уплаты содержанія мѣстнымъ городovýmъ врачамъ. (Ниж. Лист).

— По внесенному министерствомъ финансовъ на разсмотрѣніе законодательнымъ порядкомъ проекту измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ статей положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ предполагается: торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, платящимъ основной и промышленный налогъ, въ размѣрѣ не менѣе 150 руб. въ годъ, дозволить содержаніе развѣзжающихъ приказчиковъ. Кромѣ того, проектируется торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, торгующимъ по свидѣльствамъ на развозный торгъ, дозволить содержать по одному наемному приказчику на каждое предпріятіе или помещеніе для развознаго торга. (Нов.)

При министерствѣ финансовъ образована особая коммиссія съ участіемъ фабричныхъ инспекторовъ и членовъ городской санитарной коммиссіи, которая разрабатываетъ вопросъ объ организаціи врачебной помощи на фабрикахъ и заводахъ и о распространеніи выработанныхъ на этотъ счетъ правилъ и на ремесленныя заведенія. Коммиссія проектируетъ учредить для малолѣтнихъ особая патронатства на подо-

бие существующихъ въ обществѣ защиты дѣтей, при чемъ предполагается привлечь къ патронатству городскія общественныя управленія, учредивъ при нихъ должности особыхъ депутатовъ, которые осматривали бы ремесленныя заведенія. Осмотры на фабрикахъ предполагается обобщить въ томъ смыслѣ, что этими осмотрами долженъ рѣшаться вопросъ вообще о состояніи здоровья даннаго субъекта, а не исключительно о томъ, страдаетъ ли онъ сифилисомъ. Предполагается установить обязательный взносъ съ фабрикантовъ и возложить на городъ обязанность устройства больницъ для рабочихъ, зараженныхъ этою болѣзью.

Въ октябрѣ въ Курскѣ назначенъ съѣздъ земскихъ начальниковъ для обсужденія практическихъ вопросовъ ихъ дѣятельности, по примѣру саратовскаго съѣзда (Русск. Вѣд.).

Въ 1897 году шуйскій предводитель дворянства И. С. Шмидтъ возбудилъ вопросъ о земскомъ обязательномъ страхованіи фабрично-заводскихъ и сельскихъ рабочихъ, получающихъ менѣе опредѣленнаго minimum'a заработной платы.

Особая записка, представленная по этому предмету, мотивировала это предложеніе „образованіемъ губерніи массы безземельныхъ пролетаріевъ, безработныхъ и неспособныхъ къ работѣ, призрѣніе которыхъ—вмѣстѣ съ продовольствіемъ и врачебной помощью—составляетъ обязанность губернскаго и уѣздныхъ земствъ, которая становится для земства весьма тяжелой и угрожаетъ въ будущемъ сдѣлаться для него даже непосильной.

Собраніе 1897 года, находя, что „во Владимірской губерніи безземельныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ не имѣется и самое сельское хозяйство находится въ упадкѣ“, приняло предложеніе г. предводителя лишь по отношенію къ фабричнымъ рабочимъ.

Произведенное, однако, въ трехъ уѣздахъ статистическое изслѣдованіе показало, что только въ этихъ трехъ уѣздахъ имѣется около 10,000 (13,6 проц. общаго числа) безнадѣльныхъ дворовъ, вслѣдствіе чего губернская управа внесла въ собраніе послѣдней сессіи докладъ, настаивавшій на необходимости страхованія сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Собраніе нынѣшней сессіи согласилось съ доводами управы и постановило возбудить вышеуказанное ходатайство.

Веденіе этого столь важнаго дѣла предполагается возложить на губернское и уѣздныя земства.

Для образованія же страхового фонда проектируется „установить сборъ со всѣхъ предпріятій, пользующихся наемнымъ трудомъ, какъ источникомъ доходовъ и прибылей, по числу рабочихъ или суммѣ производимой заработной платы (или же по одному и другому одновременно), съ раздѣленіемъ такого сбора на нѣсколько категорій, сообразно степени опасности различныхъ производствъ, возложивъ таковой сборъ на обязанность владѣльцевъ, безъ всякаго участія со стороны рабочихъ, существующихъ лишь личнымъ трудомъ и получающихъ менѣе опредѣленнаго minimum'a заработной платы или жалованья“. (Приаз. Кр.).

Въ донской области введена на дняхъ винная монополия. По словамъ „Пр. Кр., таганр. полиціймейстеръ Джапаридзе сообщилъ въ канцелярію г. войскового наказнаго атамана, что съ введеніемъ въ Таганрогъ **винной монополіи** число уличныхъ безобразій увеличилось до небывалыхъ размѣровъ. Сидѣльцы лавокъ предъявляютъ требованія къ полиціи объ огражденіи ихъ отъ оскорбленій пьяной толпы, живущіе по сосѣдству съ лавками просятъ избавить ихъ отъ уличныхъ скандаловъ и площадной брани, которая виситъ въ воздухѣ около каждой лавки, и угрожаютъ жалобой за неудовлетвореніе ихъ просьбъ. Вопросъ этотъ дѣйствительно очень серьезенъ, такъ какъ кварталы, гдѣ расположены лавки, стали положительно непроходимыми и даже далеко небезопасными. Многие квартиранты бѣгутъ отъ такого неудачнаго сосѣдства, а домовладѣльцы готовы, даже съ убыткомъ продать свои владѣнія.

На дняхъ былъ **погромъ** близъ Шавель, причеиъ пострадало много евреевъ. Около шестидесяти человекъ зачинщиковъ — громилъ арестованы и доставлены въ нашъ городъ. Всѣ мѣры предосторожности приняты; между прочимъ, казенныя винныя лавки по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ закрываются на весь день, евреи же, владѣльцы лавокъ, рѣшили совсѣмъ не открывать и богъшинство лавокъ стоятъ заколочеными. (Нов.)

Въ с. Устьянскѣ Канскаго уѣзда отенживалъ по приговору мир. судьи полугорамѣсячный срокъ **тюремнаго заключенія** пос. Лавреновъ въ здѣшней волостной тюрьмѣ. По окончаніи этого срока, ему заявили, что онъ подъ слѣдствіемъ, а на вопросъ, за что и по какому дѣлу, — ему отвѣтили, что это дѣло не его, про то „начальство“ знаетъ. Просидѣвъ съ недѣлю, Л—въ сталъ проситься въ тюрьму или больницу, такъ какъ онъ больной, страдаетъ припадками падучей болѣзни — просьба его не удовлетворяется. Л—въ пробить кр. нач. отправить его въ тюрьму, кр. нач. дѣлаетъ объ этомъ распоряженіе, но „начальство“, въ лицѣ волостнаго писаря, не исполняетъ этого распоряженія. Въ припадкѣ бѣшенства, свойственнаго страдающимъ падучей болѣзью. Л—въ разбиваетъ окно, ломаетъ печь... Тогда его, по приказанію писаря Р-ва, выводятъ изъ каталажки въ волость, тамъ, все по тому же приказанію Р-ва, коморщикъ Осетровъ связываетъ его, а Рыч-въ собственноручно расколачиваетъ ему голову, сворачиваетъ на бокъ носъ и скулу, затѣмъ испараннаго, избитаго втаскиваютъ снова въ каталажку. (В. Об.)

Атаманъ одного изъ отдѣловъ кубанской области обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые должностныя лица станичнаго управленія **злоупотребляютъ** предоставленной имъ **властью**, подвергая обывателей аресту иногда на 2—3 дня за такіе проступки, за которые слѣдовало бы ограничиваться только выговоромъ или замѣчаніемъ; такъ, наприимѣръ, одинъ изъ станичныхъ атамановъ подвергнулъ двухдневному аресту, какъ говорится въ постановленіи, „за повышеніе голоса“, женщину, вызванную въ станичное правленіе для взысканія денегъ по исполнительному листу; другой под-

вергается аресту за то, что при проходѣ ст. атамана „виновный“ не оказалъ ему уваженія, т. е. не всталъ вмѣстѣ съ другими. („К. Обл. Вѣд.“)

„Приаз. край“ сообщаетъ какъ мѣстные хранители общественного спокойствія водворяютъ порядокъ на Новомъ базарѣ. Около корпусовъ, оживленно жестикулируя, разговаривали два простолодина. Неподдалеку, въ тѣни лавочки, сидѣлъ городской, читая газету. Разговоръ становился между простолодинами все громче и громче, а когда они стали браниться, то городской, отложивъ въ сторону газету, подошелъ къ разговаривавшимъ и наградилъ обоихъ пощечинами и, выругавшись крѣпкимъ словомъ, велѣлъ разойтись. Тѣ вздумали протестовать, но городской поднесъ къ ихъ носамъ свои кулаки и тогда они разошлись въ разныя стороны.

Въ нижегородской городской управѣ на—дняхъ гласный петербургской думы и уполномоченный ярмарочнаго купечества, мукомоль, Н. Е. Башкировъ, обратился въ городскую управу за какимъ-то удостовѣреніемъ. Удостовереніе было дано. Башкировъ, получая его, сунулъ въ руку дѣлопроизводителя три рубля. Дѣлопроизводитель оказался человекомъ съ высшимъ образованіемъ и не только отказался отъ **приношенія**, но обидѣлся. Обидѣлся и Н. Е. Башкировъ. „Что за вольнодумство у васъ здѣсь развелось, — совершенно не стѣняясь, громко возмущался мукомоль. Можно сказать, я въ Питерѣ большія дѣла веду и тамъ благодарю всѣхъ, ежели есть нужда, а вы что за особенность?“...

Въ „Под. Губ. Вѣд.“ сообщаютъ изъ Брацлавскаго уѣзда о **двойномъ убійствѣ** въ с. Почапинецѣхъ совершенномъ съ цѣлью избавиться на судѣ отъ нежелательныхъ свидѣтелей. 14-го іюня у мир. судьи З уч. назначено было къ слушанію дѣло по обвиненію трехъ крестьянъ с. Почапинецъ: Катерушина, Вѣлоуса и Гребенюка въ кражѣ у крестьянина Марчука плуговъ. Главнымъ свидѣтелемъ по этому дѣлу являлся мѣстный крестьянинъ Лаговскій, котораго обвиняемые усѣли до суда подкупить, чтобы онъ далъ показаніе въ ихъ пользу. Когда объ этомъ узналъ потерпѣвшій Марчукъ отъ жены Лаговскаго — Маріи, приходившейся ему рѣдной племянницей, то обратился къ мировому судѣ съ ходатайствомъ отложить разборъ дѣла и вызвать жену Лаговскаго въ качествѣ свидѣтельницы. На другой день послѣ этого — 15 іюня, Лаговская найдена была убитою въ своемъ домѣ, и дознаніемъ полиціи установлено, что убійца ея мужъ, который между тѣмъ, исчезъ неизвѣстно куда. На слѣдующій же день, 16 іюня, въ веретахъ 4 отъ с. Почапинецъ обнаруженъ былъ въ кустахъ трунъ Лаговскаго съ явными признаками насильственной смерти. Выяснилось что въ ночь на 15 іюня его убили Катерушинъ, Вѣлоусъ и Гребенюкъ, т. е. тѣ самые, которые подговорили его на убійство его жены.

Нѣсколько времени тому назадъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., имѣло мѣсто **убійство**, разыгравшееся на почвѣ крестьянскихъ обычаевъ. Крестьяне м.

Екатеринополя Дмитрій Пономаренко 19 лѣтъ, и Мартинъ Пономаренко, 22 лѣтъ, ночью пасли на лугу своихъ лошадей. Когда же парни улеглись спать и заснули, къ нимъ подкралась другіе ихъ односельчане и ударомъ кола наповаль убили Дмитрія Пономаренко; Мартинъ-же Пономаренко въ это время проснулся и сталъ защищаться, но ему все-таки были нанесены побои... Пострадавшій успѣлъ разглядѣть нападавшихъ и, какъ на виновниковъ убійства, указалъ на двухъ парней м. Екатеринополя. Дознаніе по этому дѣлу выяснило слѣдующее. Двое изъ мѣстныхъ парней Петръ Пономаренко и Мартинъ Пономаренко, вступая въ число екатеринопольскихъ парубковъ, отказались угостить водкой остальныхъ парней. Дѣло въ томъ, что среди крестьянскихъ парней существуетъ такой обычай, чтобы достигающій совершеннолѣтія, становящійся „парубкомъ“, если онъ желаетъ быть принятымъ въ компанію остальныхъ парней, долженъ поставить имъ извѣстное количество водки. Только послѣ этого онъ будетъ признанъ „въ товариществѣ“ за равноправнаго члена и ему разрешается посѣщать „вечерницы“ и ухаживать за крестьянскими дѣвухами. Нарушителей этого стариннаго обычая не только не принимаютъ въ число „парубковъ“, но даже стараются чѣмъ-либо отомстить. И вотъ Петръ и Мартинъ Пономаренки, не угостившіе парубковъ, возбудили къ себѣ злобу. Съ цѣлью отомстить имъ, екатеринопольскіе парни и напали на спавшихъ Мартина и Дмитрія Пономаренко, при чемъ произошла роковая ошибка, такъ какъ убитый Дмитрій Пономаренко былъ принятъ за нарушителя обычая — Петра Пономаренко. (К. Ст.).

Въ № 6 нашей газеты сообщалось о томъ, что Тарсонскій волостной судъ (Кузнецкаго уѣзда, Томской губ.) 28 дек. 1899 г. приговорилъ 56 крестьянъ-домохозяевъ къ **20 ударамъ розгами** за то, что крестьяне эти отказались идти на общественный сходъ, съзываемый сельскимъ старостой. Какъ намъ сообщаютъ, уѣздный сѣздъ крестьянскихъ начальниковъ приговоръ волостного суда отмѣнилъ, самое дѣло передалъ мировому судѣ 2-го участка Кузнецкаго уѣзда, Томской губ., который по приговору, постановленному 5 іюля, призналъ этихъ крестьянъ всѣхъ виновными по 29 ст. Уст. о нак. и приговорилъ каждаго изъ нихъ къ штрафу по два рубля.

Библіографія.

В. П. Шейнъ „Замѣтки къ вопросу о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ“ 1900 г.

Надо полагать, что авторъ брошюры преслѣдовалъ, составляя ее, какую-либо опредѣленную задачу, но для читателя, непосвященнаго въ личныя соображенія автора, остается совершенно непонятнымъ, въ чемъ заключается эта задача. 26 страницъ изъ 35, заключающихся въ брошюрѣ, посвящены выясненію того, что „ни одно изъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ не получило дальнѣйшаго развитія и распространенія“. Эта краткость объясняется тѣмъ, что взглядъ на философію исторіи у автора до нельзя простъ: „Чтобы судить о томъ, дѣйствительно-ли тотъ или другой законодательный

актъ оказался жизнепригоднымъ, лучше всего обратиться къ его послѣдующему историческому развитію. Если положенныя въ основаніе его начала шли, постепенно развиваясь и расширяясь въ законодательствѣ, то съ увѣренностью можно сказать, что начала эти правильны и согласны съ требованіями жизни и правосознаніемъ народа. Обратное же явленіе,—постепенное суженіе области дѣйствія началъ даннаго законодательнаго акта, ослабленіе ихъ вліянія, сокращеніе ихъ примѣненія, или, наконецъ, окончательное ихъ исчезновеніе свидѣтельствуютъ о нежизнеспособности этого законодательнаго акта,—о его жизненномъ крахѣ и практической несостоятельности“. При такомъ взглядѣ и не стоитъ подробно останавливаться на выясненіи историческаго хода явленій: достаточно констатировать, что такіа то реформы подвергались разнаго рода ограниченіямъ, чтобы съ легкимъ сердцемъ заявить: начала эти нежизненны. Далѣе надо только знать, въ какую сторону идутъ дальнѣйшія реформаторскія попытки, чтобы знать, что надо привѣтствовать въ качествѣ „жизненныхъ“ началъ. Правда и авторъ знаетъ, что эта нежизненность можетъ обуславливаться разными причинами, однако онъ не придаетъ этому особаго значенія. При обсужденіи *до тоиштовъ* судебныхъ уставовъ, продолжаетъ онъ, эти обстоетельства не могутъ, однако, ослабить впечатлѣнія о (?) недостаточной ихъ жизнеспособности“. Очевидно, при такомъ взглядѣ на прошлое трудно предсказать что-либо относительно будущаго. Если мы не знаемъ, почему тѣ или другія начала оказались не жизнеспособными, то едва ли можемъ судить о томъ, чѣмъ ихъ слѣдуетъ замѣнить. Мало того, мы едва ли можемъ „смѣть свое сужденіе имѣть“ о томъ, надо ли замѣнить эти начала другими, или наоборотъ, не слѣдуетъ ли законодателя вступить рѣшительно и смѣло на защиту этихъ началъ. То, что могло казаться, что могло даже и быть смѣлымъ до дерзости новшествомъ 35 лѣтъ назадъ, уже успѣло частью войти въ нашу плоть и кровь. Поэтому, если начала, положенныя въ основу уставовъ 1864 г., соотвѣтствуютъ тѣмъ задачамъ, которыя должны преслѣдовать судебные уставы, то, быть можетъ, въ настоящее время уже не было бы не только дерзости, но даже и особенной смѣлостью возстановить въ чистомъ видѣ эти начала, воспользовавшись продолжительнымъ опытомъ для болѣе раціональнаго имъ примѣненія. Задача законодателя вовсе не такъ проста, какъ это кажется автору. Онъ вовсе не долженъ поклоняться началамъ „жизненнымъ“ съ точки зрѣнія пониманія г. Шейна, но его вліяніе должно быть направленно именно на то, чтобы *желательнымъ* началамъ дать перевѣсъ въ борьбѣ съ тѣми факторами, которые термозятъ возможно полное примѣненіе ихъ. Конечно, не все желательное возможно для законодателя, но несомнѣнно, многія начала становятся „жизненными“ именно благодаря вмѣшательству законодателя. Если благой законъ оказывается не по плечу современникамъ, законодатель не долженъ, конечно, оставаться безучастнымъ зрителемъ столкновенія жизни съ этимъ закономъ, но для него вовсе не обязательно дальнѣйшими измѣненіями испортить этотъ законъ... Онъ можетъ найти средства доставить въ результатѣ побѣду тѣмъ началамъ, которыя положены въ основу этого закона. Но все это вещи, которыя совершенно не беспокоятъ автора. Основныя начала судебныхъ уставовъ не получили дальнѣйшаго распространенія: слѣдовательно—они не жизненны. Новые судебные уставы въ данный моментъ жизненны, что очевидно изъ того, что они вводятся; слѣдовательно „не съ погребальнымъ плачемъ, а съ праздничнымъ трезвономъ должны мы привѣтствовать эту работу“, заявляетъ г. Шейнъ, хотя по его же словамъ „теперь еще преждевременно судить о томъ, насколько пересмотръ судебныхъ уставовъ на самомъ дѣлѣ оправдаетъ на-

дежды, на него возлагаемыя". И въ самомъ дѣлѣ, почему не привѣтствовать? Если „преобразованные уставы паче чаяна встрѣтятъ борьбу, подвергнутся измѣненіямъ, то вѣдь это докажетъ только ихъ „нежизненность“ и надо будетъ привѣтствовать новую замѣну этихъ уже преобразованныхъ уставовъ. А это такъ нетрудно, какъ для „привѣтствія“ нѣтъ надобности убѣдиться хотя бы въ томъ, соответствуетъ ли пересмотръ возлагаемымъ на него надеждамъ. Жаль только, что г. Шейнъ не понимаетъ того, что возможно совершенно иное отношеніе къ законамъ, которое, какъ образно, хотя едва-ли совершенно правильно авторъ выражается, „дѣлается исторіей“.

Г. Шейнъ не можетъ поэтому понять и того, что можно оплакивать даже виѣшній видъ законодательнаго акта, который дорогъ намъ, хотя бы онъ и оказался нежизнеспособнымъ въ смыслѣ г. Шейна, быть можетъ, частью даже именно потому, что онъ оказался такимъ „нежизнеспособнымъ закономъ“. Еще не зная, „насколько пересмотръ судебныхъ уставовъ на самомъ дѣлѣ оправдываетъ надежды на него возлагаемыя“, г. Шейнъ свысока третируетъ защитниковъ старыхъ уставовъ, желающихъ сохранить ихъ виѣшній видъ. „Вмѣсто новой брачной одежды хотѣть обновленное дѣло судебныхъ уставовъ обдѣлать въ старыя, изношенныя и запатанныя лохмотья... Какъ фениксъ возродившійся отъ пепла“... Но кажется—этихъ цитатъ болѣе, чѣмъ достаточно.

А. Каминка.

СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

1 Общее собраніе Пр. Сената.

(*Нижние чины изъ евреевъ, начавшіе службу по рекрутскому уст., а окончившіе по уст. о воин. пов.*)

Пр. Сенатъ нашелъ, что закономъ 25 іюня 1867 г. было отмѣнено запрещеніе нижнимъ чинамъ изъ евреевъ поселяться въ мѣстѣ, гдѣ евреямъ дозволяется осѣдлость, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлено право на приписку къ городскимъ и сельскимъ обществамъ въ тѣхъ же случаяхъ и при тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣмъ другимъ нижнимъ чинамъ, принятымъ на службу по правиламъ рекрутскаго устава. Не отрицая, что означенное право было даровано имъ въ виду продолжительности прежней службы въ войскахъ, нельзя однако не замѣтить, что по буквальному смыслу закона право нижнихъ чиновъ на повсемѣстную приписку къ городскимъ обществамъ вовсе не обусловлено выслугою ими всего обязательнаго срока, установленнаго рекрутскимъ уставомъ 1862 г. Напротивъ того, въ силу 14 ст. упомянутаго закона право это предоставлено всѣмъ безъ исключенія нижнимъ чинамъ по увольненіи ихъ въ безсрочный отпускъ или отставку, а въ п. 6. ст. 30 того же закона прямо выражено, что право на повсемѣстную приписку къ городскимъ обществамъ предоставляется и тѣмъ вполне трудоспособнымъ нижнимъ чинамъ, которые до истеченія установленнаго въ рекрутскомъ уставѣ срока будутъ уволены въ безсрочный отпускъ или отставку по непригодности ихъ къ продолженію военной службы. Такимъ образомъ, всѣ безсрочно отпускные и отставные нижніе чины, принятые на

службу по правиламъ рекрутскаго устава, какъ бы ни была кратковременна ихъ служба въ войскахъ, не могутъ быть лишены права на повсемѣстную приписку ихъ къ городскимъ обществамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ изъ этого общаго правила не сдѣлано никакихъ исключеній для нижнихъ чиновъ изъ евреевъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что и они могутъ пользоваться означеннымъ правомъ на одинаковыхъ основаніяхъ со всѣми остальными нижними чинами.

Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности и уменьшеніемъ сроковъ обязательной службы въ войскахъ нѣкоторое сокращеніе этихъ сроковъ было установлено закономъ и для тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые были приняты на службу по правиламъ рекрутскаго устава. Несмотря на столь существенное облегченіе лежавшей на нихъ повинности, ни однимъ изъ позднѣйшихъ узаконеній не было отмѣнено право на повсемѣстную приписку къ городскимъ обществамъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, принятыхъ на службу по правиламъ рекрутскаго устава, которые были уволены въ безсрочный отпускъ или отставку уже послѣ введенія устава о всеобщей воинской повинности. Между тѣмъ необходимо имѣть въ виду, что въ числѣ преимуществъ, дарованныхъ безсрочно отпускнымъ и отставнымъ нижнимъ чинамъ закономъ 25 іюня 1867 года, имъ было предоставлено также право на получение единовременныхъ денежныхъ пособій при водвореніи ихъ въ городахъ и селеніяхъ. Съ введеніемъ воинской повинности право это сохранено за тѣми только нижними чинами, которые зачислены въ безсрочный отпускъ или уволены въ отставку до 3 февраля 1876 г.; выдача же пособій всѣмъ остальнымъ нижнимъ чинамъ, принятымъ на службу по правиламъ рекрутскаго устава, была отмѣнена (ст. 27 прил. къ ст. 141 общ. пол. по прод. 1836 г.) Такимъ образомъ, если при обсужденіи преимуществъ, которыя могутъ быть сохранены за нижними чинами, уволенными въ безсрочный отпускъ или отставку по введеніи въ дѣйствіе устава о воинской повинности, было признано необходимымъ измѣнить законъ 25 іюня 1867 года лишь въ той его части, которая устанавливаетъ право означенныхъ чиновъ на получение изъ казны денежныхъ пособій, то отсюда само собою слѣдуетъ, что во всѣхъ остальныхъ своихъ частяхъ означенный законъ, какъ не подвергшійся никакимъ измѣненіямъ, долженъ быть примѣняемъ ко всѣмъ нижнимъ чинамъ, принятымъ на службу по правиламъ рекрутскаго устава, независимо отъ времени увольненія ихъ въ безсрочный отпускъ или отставку.

Въ виду приведенныхъ соображеній, нельзя не придти къ такому заключенію, что просители Кершковскій и Лахманъ, въ качествѣ нижнихъ чиновъ, принятыхъ на службу по правиламъ рекрутскаго устава, по увольненіи ихъ въ отставку имѣли несомнѣнное право на приписку въ избранное ими городское общество внѣ черты еврейской осѣдлости. Вслѣдствіе этого распоряженіе министра финансовъ объ исключеніи просителей изъ состава Новгородскаго мѣщанскаго общества, къ которому они приписались свыше десяти лѣтъ тому назадъ, не можетъ быть признано правильнымъ, тѣмъ болѣе, что въ указахъ объ отставкѣ, выданныхъ Кершковскому и Лахману подлежащею властью и въ установленномъ порядкѣ, категорически выражено, что они въ качествѣ отставныхъ нижнихъ чиновъ, принятыхъ на службу по правиламъ рекрутскаго устава, имѣютъ право на повсемѣстное жительство въ Имперіи.

При этомъ № годов. подписч. разсыл. 4-ый листъ „Законодательнаго Вѣстника“ и 2-й листъ рѣшеній Общаго Собранія Правит. Сен. за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

Н. И. Лазаревскій.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Подписчику №

При переходѣ нотаріуса изъ одного города въ другой, округа одной и той же судебной палаты, а также въ округъ другой судебной палаты, можетъ ли быть зачисленъ или переведенъ залогъ, внесенный имъ по занимаемой имъ должности, или необходимо внести залогъ вновь?

Прямого отвѣта на этотъ вопросъ въ законѣ нѣтъ; точно также и въ сенатской практикѣ разъясненій по этому вопросу не имѣется. Практика, допускающая такой переводъ, не противорѣчитъ требованіямъ закона; ст. 13 полож. о нот. час. устанавливая, что залогъ, въ случаѣ смерти нотаріуса или оставленія имъ должности не можетъ быть выданъ ранѣе 6 мѣсяцевъ со времени публикаціи, имѣетъ въ виду лишь тѣ случаи, когда служебная дѣятельность нотаріуса прекращается *вообще* и залогъ, слѣдов., долженъ поступить въ распоряженіе нотаріуса или его наследниковъ. Если же дѣятельность нотаріуса переносится лишь въ другое мѣсто и залогъ продолжаетъ оставаться въ распоряженіи правительства, то переводъ залога ни въ чемъ не

измѣняетъ положеніе лицъ, у которыхъ оказались бы претензіи къ нотаріусу, при условіи, конечно, своевременной публикаціи о вызовѣ такихъ лицъ, примѣнительно къ упомянутой 13 ст.

Подписчику № 1060.

Вправе ли обвиняемый, противъ котораго по жалобѣ потерпѣвшаго возбуждено было пр. слѣдствіе, прекращенное засылъ судомъ, отыскивать съ жалобщика вознагражденіе за причиненные убытки?

Ст. 782—784 у. у. с. къ данному случаю непримѣнимы уже по одному тому, что онъ (равно какъ и ст. 32, на нихъ ссылающаяся) категорически говорятъ объ „оправданномъ рѣшеніемъ судебного мѣста“. Кроме того, надлежало бы доказать, что жалобница дѣйствовала недобросовѣстно и проч. (см. ст. 782); то обстоятельство, что она „неосновательно“ считала себя потерпѣвшею едва ли можетъ имѣть значеніе. Что же касается ст. 684 зак. гражд., то она тоже непримѣнима, т. к. убытокъ причиненъ не дѣйствіями жалобщицы, а дѣйствіемъ судебного слѣдователя, имѣвшаго полное право принять мѣру пресѣченія, упомянутую въ п. 4 ст. 416 у. у. с.

Движеніе по Государственной службѣ.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

данный Правительствующему Сенату.

1900 года, іюля 25-го. „Временно-управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Двора Нашего гофмейстеру графу Ламздорфу—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ означеннымъ министерствомъ, съ оставленіемъ его гофмейстеромъ“.

іюля 26-го. „Старшему совѣтнику министерства иностранныхъ дѣлъ, Двора Нашего шталмейстеру, князю Валериану Оболенскому—Меленскому—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, съ оставленіемъ его шталмейстеромъ.“

27 іюня 1900 года, № 27:

Причисляются къ м.: пом. ст. нотар. таганрог. о. с., к. а. Фирсовъ, секр. сиб. о. с., т. с. Нагурскій, пом. секр. ом. с. п., г. с. Яшинъ, ст. канд. на долж. по е. вѣд.: при харьков. с. п., к. с. Терпиловскій и при костром. о. с., т. с. Ефимьевъ—съ отком. къ испр. долж.: ст. нотар. о. с.: 1—таганрог. и 2—уфим. и суд. сл.: 3—5 уч. о. томск. о. с., 4—3 уч. хопер. о. усть-медвѣд. о. с., 5—1 уч. Макарьев. у., о. костром. о. с.

Командируются: прич. къ м. ю., ком. къ и. д. с. сл.: 5 уч. о. том. о. с., в. с. Иващенко—въ 6 уч. о. того же о. с., 2 уч. хопер. о. усть-медвѣд. о. с., к. е. Поповъ—во 2 уч. усть-медвѣд. о., 3 уч. хопер. о., к. с. Шарамовичъ—во 2 уч. того же о., 1 уч. Макарьев. у., о. костром. о. с., т. с. Вартепневъ—во 2 уч. Кинешем. у. о. того же о. с., 2 уч. Корочанск. у., о. кур. о. с., н. с. Павловскій—въ 1 уч. Старооскольск. у. о. того же о. с., Тобольск. у. т. с. Ширмахеръ—въ 3 уч. 2 доп. о. усть-медвѣд. о. с., 1 уч. Нолинск. у., о. вят. о. с., т. с. Влоанскій—въ 3 уч. Яран. у. о. того же о. с. и 3 уч. Яран. у., н. с. Перекрестовъ—въ 1 уч. Нолин. узда.

По губернскимъ учрежденіямъ.

Назначаются: ст. канд. на д. по суд. вѣд. при о. с.: тифлис., к. с. Мошинъ и кутаис., к. е. ханъ Хойскій—пом. м. с.: 1—тифлис. у. отд. и 2—зугдид. отд., завѣд. паленджихек. слѣдств. уч., окр. кутаис. о. с.; пом. секр. шарвап. ком. с. оконч. к. юр. н. въ И. моск. ун., съ дилл. 1 степ. Теодоровичъ—секр. того же ком. с.

Перемѣщаются: пом. мир. с.: тифлисск. у. отд., к. а. Лашкевичъ и зугдид. отд., завѣд. паленджих. слѣд. уч., о.

кутане. о. с., к. е. Коперниковъ—пом. м. с.: 1—1 отд. гор. Тифлиса, а 2—сухум. отд. о. кутаис. о. с.

Увольняется отъ долж. гм. с. 1 о. Конск. у., Радом. губ. Левъ Лассота—по случ. назнач. нотар. при ипот. канц. мир. с. 1 уч. гор. Сувалоць. съ 20 мая 1900 года.

Умершій исключается изъ сп.: гмин. судья 1 о. Маков. у., Домжнн. губ. Владиславъ Климецкий—съ 22 мая 1900 г.

П Р И К А З Ы.

По вѣдомству министерства юстиціи, 28 іюня 1900 года, № 29:

Причисляется къ м.: увол. Выс. прик. по гражд. вѣд. отъ 13 іюня 1900 г. № 46 отъ должн., согл. прош. испр. д. с. сл. 2 уч. Велюнок. у., о. калиш. о. с., н. с. Хонякевичъ—съ 13 іюня 1900 г.; пом. секр. кiev. с. п., в. секр. Уляницкій—съ отк. къ испр. д. с. сл. 2 уч. Свенцян. у., о. вилен. о. с.

Увольняется отъ служ., согл. прош., по бол. архивар. сен. арх., к. а. Конге—съ 6 іюня 1900 г.

По губернскимъ учрежденіямъ.

Перемѣщается пом. мир. с. горійск. отд., зав. сурам. м. у. о. тифл. о. с., т. с. Герасименко—пом. м. с. 2 отд. г. Тифлиса.

Переводится, зем. нач. 6 уч., Новоузен. у., Самарск. г., т. с. Михайловъ—пом. м. с. горійск. отд., зав. сурам. м. с. у., о. тифл. о. с.

4 іюля 1900 года, № 30:

По вѣдомству министерства юстиціи.

Причисляются къ м.: увол. В. прик. по гражд. вѣд., отъ 16 іюня 1900 г., за № 47, отъ должн., согл. прош., испр. д. с. сл. 2 уч. Малмыж. у., о. сарапул. о. с., н. с. Казанскій, съ отк. къ испр. д. с. сл. 1 уч. Елабуж. у., о. с. сарапул. о. с., съ 16 іюня 1900 г., мл. канд. на должн. по суд. вѣд. при сиб. с. п. Липецъ, съ отк. для зан. въ канц. гражд. кас. деп. Прав. Сен.

Командируется: прич. къ м. ю., ком. къ и. д. с. сл.: 1 уч. Елабуж. у., о. сарапулск. о. с., т. е. Опшоновъ—во 2 уч. Малмыж. у., о. того же о. с. съ 16 іюня 1900 г.

Отчисляется прич. къ м. ю., ком. для зан. въ юрис.

ч., с. е. Средбольскій — отъ сего мѣн., съ отозв. изъ означ. ком., съ 24 мая 1900 г., по случ. избр. доб. м. с. слб. ст. округа.

По губернскимъ учрежденіямъ.

Назначается, пом. секр. тифл. с. п., т. е. Дашкевичъ — пом. м. с. шумин. отд., завѣд. шумин. сл. уч., о. елисаветпольск. о. с.

По главному тюремному управленію.

Переводится, канц. служ. деп. желѣзн. отч. гос. контр. Котеневъ — канц. служ. главн. тюремн. управл. съ 30 апр. 1900 г.

По Высочайше учрежденному Николаевскому комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ.

Назначаются: сверхшт. медиц. чин. при медиц. деп., докт. мед. Корольковъ и дѣл.: Шульцъ и Рейтцъ — мл. вр. дѣл. для приходившихъ при семъ комитетѣ: 1 — съ 16 янв. 1900 г., 2 — съ 15 сент. 1899 г., а послѣдній — съ 6 мая 1900 г. и изъ нихъ 1 — съ ост. въ зан. имъ должн. по мед. деп.; поч. поч. гражд. Глазеръ и слб. 2-й г. куп. Матвѣевъ — сотрудниками означ. ком.

По межевой части, 5 іюля 1900 года, № 6:

По межевой канцеляріи.

Назначенъ, ст. землем. пом., меж. инж., т. с. Саранчовъ — мл. землем. 2 разр., съ 1 іюня 1900 г.

Уведены отъ сл., согл. прош.: вѣсьмовод. при пред., т. с. Бѣлкинъ — по бол., съ пр. носить въ отст. м., послѣдней должности его присв., к. р., мл. землем. пом., ком. для зан. въ губ. чертеж.: новгород. Власовъ — по бол. и вологодск. — Мельницкій; изъ нихъ: Мельницкій съ 1, Власовъ съ 7 и Бѣлкинъ съ 16 іюня 1900 г.

Умершій исключенъ изъ сл. мл. землем. 2 разр., н. с. Волковъ.

По межевымъ учебнымъ заведеніямъ:

Назначается, ас. по каз. геод. въ моск. сельско-хоз. инст., меж. инж., н. с. Шириевъ — мл. прец. Константинов. меж. инст., съ ост. въ зан. въ сельско-хозяйствен. инстит. должн.

Уведены отъ сл., согл. прош.: увѣд. землем. Смол. г., н. с. Полѣвскій-Щинило — по бол., съ пр. носить въ отст. мунд. посаѣд. должн. его присв. и стар. пом. землем. при тифл. с. п., к. рег. Григорянцъ; изъ нихъ: 1—20, а 2—21 іюня 1900 г.

Умершій исключенъ изъ сл. у. землемѣр. Тульской г., н. с. Татьянко.

13 іюля 1900 года № 57:

По вѣдомству министерства юстиціи.

Назначаются: тов. предс. о. с.: слб., д. с. е. Гоббе и ставроп., с. с. Полкотьскій — чл. с. п.: 1 — слб., а 2 — харьк.; гор. с. г. Спасека, с. с. Левашовъ — чл. рязан. о. с., по Равенбург. у.; м. с. 1-го уч. юрьево-вер. о. с. с. Моркотунъ, т. пр. о. с.: петроков., к. а. Калининскій и кам. под., к. а. Дамъ и секр. варш. с. п., т. с. Прозоровскій — чл. о. с.: 1 — митав., 2 и 4 — петроков., а 3 — кам.-под.; т. пр. елисаветп. о. с., к. а. Стрѣлковъ и пом. секр. варш. с. п., т. с. Аккерманъ — м. с.: 1 — 3-го о. гор. Тифлиса, а 2 — 3-го уч. Ташкент. у.; пом. ст. пот. орл. о. с., к. а. Жегалкинъ и пом. секр. каз. с. п., т. с. Петровъ — гор. с.: 1 — гор. Мценска, а 2 — гор. Златоуста.

Перемѣщается, согл. прош., чл. петроков. о. с., к. с., фонъ-Штральбортъ — чл. варш. о. с.

По тюремному управленію.

Назначаются: пом. тоб. губ. тюр. инсп., к. с. Тепловъ — и. д. тоб. губ. тюр. инсп. секр. при моск. губ. тюр. инсп., к. а. Рагозинъ и мл. дѣлопр. гл. тюр. упр., т. с. Бروفельдтъ — пом. губ. тюр. инсп.: 1 — екатериносл., а 2 — харьковск.; пом. нач. андреевск. испр. арест. отд. нач. того же о.

Перемѣщаются: г. т. инсп. сам., с. с. Грамматчиковъ и перм., с. с. Рабчиковъ — губ. тюр. инсп.: 1 — влд., а 2 — каз.

17 іюля 1900 года, № 58:

По вѣдомству министерства юстиціи.

Назначаются: чл. прк. с. п., д. с. е. Францессонъ — предс. владив. о. с.; пр. усть-медв. о. с., с. с. Данилевичъ — чл. харьк. с. п.; чл. слб. о. с., к. с. Волковицкій — тов. предс. мит. о. с.; испр. д. с. сл. 1-го уч. Царскосельск. у., округа слб. о. с., с. с. Иваненцовъ и тов. пр. ков. о. с., к. с. Влажчукъ — чл. о. с.: 1 — слб., а 2 — ков.; дѣлопр. 2 деп. м., н. с. Пляшевичъ и мл. дѣл. 1 деп. мѣн., к. а. Гессенъ — пом. юрик. м., оба съ 16 іюля; испр. д. с. сл. 2-го уч. Митаво-Баус. у., о. мит. о. с., к. а. Сколозубовъ, прич. къ м., к. а. Штернбергъ и ст. канд. на д. по с. в. при кiev. с. п., к. с. Вишневицкій — уч. м. с. о.: Сколозубовъ — 3-го уч. митаво-бауск. Штернбергъ — 6-го участка везенбергъ-вейсенштейн. и Вишневицкій — бердичев.; пом. мир. с. Батум. о., о. кутаис. о. с., к. с. Оссовскій, прич. къ м.; к. с. Гончаровъ и секр. при прк. кiev. с. п., к. с. Слѣпушкинъ — тов. пр. о. с.: 1 — кутаис., второй — радом. и 3 — ибжин., пом. м. с. отд. о. бакин. о. с.; бак. к. с. Лилбинъ и шемах. н. с. Венкевичъ — мир. с. о. о. того же о. с. 1 — ленкоран., а 2 — джеват.; доб. м. с. о. асхабад. о. с., к. с. Лебедевъ — м. судьею 2-го мерв. уч., о. того же о. с., пом. м. с. Александропольск. о., о. эриван. о. с., т. с. Алексѣевъ — уч. м. с. владикавказск. о.; м. с. 2-го мерв. уч., о. асхабад. о. с., к. с. Гонорскій — доб. м. с. о. того же о. с., согласно прош.

Перемѣщаются: предс. о. с.: пркут., д. с. е. Луцковъ и владивосток., с. с. фонъ-Паркау — предс. о. с.: 1 — петрозавод., а 2 — пркут., т. предс. митав. о. с., с. с. Серафимовичъ — тов. предс. слб. о. с.; предс. с. м. с. и уч. м. с. о.: бердич., н. с. Добровольскій и радомысльск., н. с. Полянскій — на таковыя же должности: 1 — въ житом. о., 2 — въ бердич.; мир. с. о.: юрьево-веррок. 4-го уч., ст. с. Шмидтъ, ревельск.-гапс., 1-го уч., с. с. Шигаевъ и вез-вейсенштейн., 6-го уч. к. с. Анофривъ — м. с. о.: 1 — юрьево-веррок., 1-го уч. 2 — везенбергъ-вейсенштейнск. 3-го уч., и 3 — рев.-гапс., 1-го уч.; тов. пр. о. с.: астрах., н. с. Любимовъ, нѣжин., к. а. Кореакъ и петроков., т. с. Кацауровъ — тов. пр. о. с.: 1 — тамб. 2 — кiev. и 3 — варш.; мир. с. Ленкоранск. о., о. бак. о. с., к. а. Шнейдоръ — мир. с. Шемах. о., о. того же о. с.

Увольняются отъ должн. согл. прош.: поч. м. с. о. елисаветп. о. с., с. с. Бекъ-Везировъ, съ 30 іюня; тов. пр. кутаис. о. с., т. с. Сурменевъ и испр. д. с. сл. 1-го уч. Александров. у., о. ставроп. о. с., к. с. Манжосъ-Бѣлый, оба по случ. прич. ихъ къ м.

Увольняется отъ сл., согл. прош., тов. прок. кiev. о. с. к. а. Неметти.

Умершіе исключаются изъ сл.: чл. ков. о. с., в. с. Павловичъ; поч. м. с. двин. о., о. о. п. гв. Мухинъ.

По тюремному управленію.

Назначаются: тов. пр. полт. о. с., с. с. Дамиловскій и пом. каз. губ. тюр. инсп., с. с. Венедиктовъ — губ. тюр. инсп. 1 — самар., а 2 — перм.; пом. кiev. губ. тюр. инсп., к. а. Михельсъ — испр. д. п. полт. губ. тюр. инсп. прич. къ м., г. с. Козеровскій — пом. том. губ. тюр. инсп.

Перемѣщается пом. том. губ. тюр. инсп. н. с. Роговскій — пом. каз. губ. тюр. инсп.